

Вячеслав Денисов

Важняк

ОСОБО
ОПАСНАЯ СТАТЬЯ

Важняк

Вячеслав Денисов
Особо опасная статья

«ЭКСМО»

2004

Денисов В. Ю.

Особо опасная статья / В. Ю. Денисов — «Эксмо»,
2004 — (Важняк)

Старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Кряжин почти всегда расследует действительно очень важные дела. Неизвестные похитили сына у богатейшего человека России, угольного магната Кайнакова. Противник Кряжина – умный преступник. Он придумал многоходовую комбинацию, отделился от низовых исполнителей двумя рядами посредников, с математической точностью предсказал поведение всех фигурантов, вплоть до представителя России в Международном суде. Приз – двенадцать миллионов долларов. Ради такой суммы можно пойти на многое. Впрочем, на всякого мудреца довольно простоты. Кряжин это хорошо понимает. Он убежден в том, что рано или поздно найдет заложника и арестует главного похитителя. В конце концов, он «важняк» из Генпрокуратуры, а не сержант патрульно-постовой службы.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая	23
Глава третья	30
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вячеслав Денисов

Особо опасная статья

Герои, персонажи и события в романе вымышлены. Совпадения с реальными лицами случайны.

Пролог

Специализированная школа французского языка располагалась на улице Печатников. Массивное здание с крышей, напоминающей сползающую лаву, точеные колонны перед входом и львы с шарами в позах отдыхающих футболистов. Здесь все по-французски: география, литература, команды преподавателя на уроке физкультуры, и даже приبلудившийся кот Марсик, сбежавший из сумасшедшей квартиры соседнего дома, где проживали завершённые алкоголики Чуевы, имел кличку Жюль. Впрочем, ему было совершенно безразлично, как его называют, когда кухарка выносила ему в коридор школьной столовой недоеденный учеником рамштекс.

– Джуль! – кричала она, держа на обрывке газетного листа, словно эклер, надкусанную котлету. – Джуль, чтоб тебя!.. Джулька, иди сюда!

Зачем так пронзительно голосить, пардон муа? Здесь мы, сзади...

В таких школах не учатся дети по территориальной принадлежности учебного заведения. Впрочем, почему бы и нет? Если есть четыре тысячи долларов в учебную четверть, примут хоть Чуева-младшего с олигофреническими проблемами. Но у Чуевых нет и сотой части этой суммы. Здесь учатся дети сотрудников французского посольства и наследники тех, кого принято в новой России называть людьми достатка, роскоши и свободы. В коридорах этой школы не увидишь драных колготок или ставших короткими за лето в деревне брюк. Ученики в период школьных каникул отдыхают не в деревне, а в Бургундии, Шампани или Провансе. По обмену. В условиях полной конфиденциальности и безопасности. Отроков и девиц от шести до семнадцати к трехэтажному строению в стиле ампир на улице Печатников привозят большие дяди с шеями толщиной с двадцатилетний кедр, в строгих костюмах, темных очках и с непременно выпирающими из-под невероятных размеров одежд кобурами пистолетов.

Это «бодигарды» – телохранители, если по-русски. Любой из них в момент, который они сочтут опасным, вправе напрямь шею и разорвать пополам всякого, кто приблизится к охраняемому ребенку. А ошибся он или оказался прав, это пусть папа разбирается, который платит за безопасность отпрыска. Пятьдесят долларов в час – средняя цена такой услуги, независимо от того, нужно будет кого-то рвать или нет.

Преподавательский состав собирали по всей России и зарубежью (если верить директору, уверяющему в этом всех, кто в начале учебного года в его приемной в сомнении теревит барсетки). Практически все учителя в школе на Печатниках являлись победителями конкурсов «Учитель года» либо были изъяты при помощи директорских чар из таких учебных заведений, как МГУ, Оксфорд и Йелль. Это очень трудная задача даже при условиях безграничного финансирования извне. Не потому, что из Йелля тяжело переманить в российскую школу преподавательский состав (это и без того ясно), а потому, что обязательным условием принятия на работу учителя должно быть отличное знание французского языка. Не на французском в школе на Печатниках позволено разговаривать лишь уборщице – тете Дусе и поварам. Но последние всегда в закрытом помещении, а потому испохабить французскую речь русским слогом не могут. С тети Дуси вообще спрос мал. Та засыпает в момент звонка на урок и просыпается

за десять секунд до его включения. При этом все не понимают, когда она успевает содержать коридоры в идеальной чистоте.

Машины у подъезда, привозящие и увозящие детей, соответствуют статусу учреждения. А потому, когда рядом с «Понтиаком» и «Альфа-ромео», отсвечивающими лаком, причалил «ВАЗ-2102» оранжевого цвета, он стал мгновенно напоминать плевков туберкулезника на полу в операционной. Из машины с тонированными еще в годы расцвета кооперативной торговли стеклами никто не появлялся, и водители расположенных неподалеку иномарок сразу потеряли к ней свой нездоровый интерес. Вполне возможно, это приехал завхоз. Или сантехники, что наиболее вероятно: четверть часа назад один из легкообучаемых выкрал на уроке химии литий и бросил его в унитаз. После взрыва все телохранители не могли успокоиться добрых десять минут.

Между тем в дикого цвета «Жигулях» шло короткое совещание.

– Ты все запомнил? – спрашивал тот, что был за рулем. Он не отличался от стоящих на улицах охранников ни габаритами, ни стильностью строгого костюма. Тяжелый, но рассудительный взгляд из-под неподвижных бровей, спокойные движения.

– Все, – отвечал его спутник. Он тоже был велик размерами, принципиален в подборе одежды, но было в его поведении нечто, что сразу наталкивало на мысль о его статусе подчиненного. – Заходим, называемся представителями одного из богатых пап и спрашиваем, как найти директора. Нам показывают, но мы идем не к нему, а на второй этаж, где находится кабинет француженки. Забираем Колю и уходим. Машину бросаем на выезде из города, переживаемся в свою, и все. Что тут запоминать?

Старший щелкнул зажигалкой, из чего стало ясно, что время покурить есть – запомнил его спутник еще не все.

– В кабинете француженка не одна, – сказал он и бросил на спутника недоверчивый взгляд. – С ней телохранитель, которого она привезла из Франции. Он же ее переводчик. Она по-русски ни слова. Тебе это что-нибудь говорит?

Спутник поморгал глазами.

– Я так и думал. Объясняю в третий раз. Когда ее охранник поймет, в чем дело, он достанет пистолет и сделает из нас дуршлаг. Точнее, два дуршлага. А потому его нужно нейтрализовать, но сделать это так, Феликс... Дорогой мой Феликс! Нужно так это сделать, чтобы он был в состоянии переводить!

– Да понял я, понял...

– Ствол с тобой?

– Естественно, – возмутился Феликс. – Я не дурак на такие делюги без железа ходить.

Человек за рулем с явной антипатией пожевал фильтр:

– Нет, ты самый настоящий дурак. Ты законченный дурак, потому что тебе уже три раза было сказано оставить ствол дома. На входе в школу стоит «рамка», как в аэропорту, и тебе выломают мослы за спину раньше, чем ты что-то объяснишь. А пропуска у тебя, как у остальных, нет. Ведь нет?

Феликс нехотя вытянул из-за пояса массивную «беретту» и стал искать место в обшарпанной «двойке», куда бы его спрятать. Не найдя, поместил в ящик для вещей.

Старший открыл дверь, которая распахнулась с криком вступившей в интимные отношения кошки, и стал выбираться из-за руля. Но неожиданно развернулся, рухнул обратно и за рукав втянул в салон помощника.

– Знаешь, меня терзают кое-какие сомнения... Ты сказал, что знаешь французский язык. Рассей мои подозрения.

– А что? – пожал плечами Феликс. – Мсье, пардон, он, де, труа, жур... Я эту муру пять лет в школе зубрил.

Старший прищурился и сделал это так зло, что помощник чуть струхнул и спросил:

– Что?

– Ты учил французский в школе, которую закончил восемнадцать лет назад?.. То есть, ты не знаешь французский? – подумав о чем-то, он решил не портить дело с самого начала. – Если откроешь в школе рот, я сверну тебе голову прямо перед кабинетом завуча.

Когда он с улицы с размаху захлопнул дверцу, с лобового стекла на панель упало зеркало заднего вида. Ему все равно пора было падать; провисеть двадцать два года – не шутка.

Охранник на входе, которому не посчастливилось видеть средства передвижения господ, оценил их костюмы в тысячу долларов каждый и подобрел лицом.

– Я вас слушаю, – он поправил пояс с набором различных стрелятельно-щипательно-колотящих приладов. Так, на всякий случай.

– Мы представляем Егорычева Степана Арнольдовича, если вы понимаете, о ком я говорю. Уполномочены провести беседу с директором по вопросу об устройстве сына господина Егорычева в данное учебное заведение.

Таких гостей из школы на Печатниках гнать не принято.

– Да, конечно, – согласился охранник. – Подниметесь на третий этаж, кабинет директора налево.

– Благодарю, – сказал старший и шагнул в рамку.

За ним последовал Феликс. На середине пути он догнал своего спутника и, не двигая губами, тихо спросил:

– А кто такой Егорычев?

Старший поморщился и по-боксерски тряхнул подбородком. Ответа Феликс так и не дождался.

Дойдя до лестницы, они перешли коридор и взошли на лестницу с другой стороны. Третий этаж их не интересовал, старший точно знал, какую дверь искать. Уверенным шагом приблизившись к дубовой створке с цифрой «14», он уже почти положил ладонь на ручку, как вдруг остановился.

– Что? – взглядом спросил Феликс.

Старший на мгновение поднял вверх указательный палец и приблизил ухо к щели. «Урок, что ли?» – удивился он, проверив себя по часам. Но часы упрямо показывали, что сейчас идет большая перемена.

Видя на лице спутника сомнение и интерес, прильнул к двери и Феликс.

«Mon cher, vous m'avez promis...»¹

– Что она говорит? – оживился Феликс.

– Ты же говорил, что учил? – со свирепой насмешкой пробормотал старший и снова прислушался к звукам за дверью.

«Courage, courage, mon ami...»²

– Не, что она говорит? – страдающе вымучивал Феликс.

Старший положил на его наморщенный лоб могучую ладонь и отпихнул в сторону.

«...delicieu!...divin!..»³

«Так... так... – подумал старший. – Еще чуть-чуть...»

«George, deja?...»⁴

«Пора», – понял спутник Феликса и, отстранившись от двери, врезал подошвой мокасына чуть правее дверного замка.

¹ Мой друг, ты мне обещал... (фр.)

² Бодрее, бодрее, мой друг... (фр.)

³ ...чудесно!...Божественно!.. (фр.)

⁴ Жорж, что, уже?... (фр.)

Створка треснула, как ломающийся сук, и отлетела в сторону. Двое ринулись внутрь. То, что представлял себе старший, никак не ожидал увидеть изучавший французский язык в средней школе села Кургуевка Феликс. В какое-то мгновение он даже растерялся.

На учительском столе не было свободного места. Посреди него, завалившись на спину, лежала та, чей волшебный голос слышался за дверью. Ее ноги в туфлях на шпильках были устремлены в люстру под потолком, подол длинной юбки упал, открывая точеные ноги и ажурные чулки на них. Золотые волосы прекрасной француженки разметались по столешнице, руки судорожно цеплялись за край стола, и она, по всей видимости, прихода посторонних не ожидала. Но еще больше не ожидал в этот момент посетителя телохранитель дивы, застрявший между ее изумительных ног в недвусмысленной позе. Можно было предположить, что он вынимает из попки учительницы шпильку, которую ей подложили на стул нерадивые ученики, но для этого вовсе необязательно было спускаться до пола собственные брюки и снимать с пояса кобуру с пистолетом. Она лежала, бесхозная, на соседнем столе. На том, где, по-видимому, сексуальная преподавательница проверяла контрольные с французской грамматикой.

И тут Феликс пришел в себя. Коршуном подлетев к телохранителю, он нанес ему два сокрушительных удара в челюсть.

Телохранитель, так и не успев вернуть брюки на место, рухнул как подкошенный.

– Ты что творишь, кретин?! – зло прошипел старший, наблюдая за комой переводчика.

– Он представлял опасность, – констатировал Феликс. – Ты заметил, как он на кобуру посмотрел? Нет, ты видел, как он смотрел на эту долбаную кобуру?!

В глазах француженки засветился неподдельный ужас. Старший знал этот взгляд. Через мгновение раздастся визг, который заглушит все звуки в школе. Стараясь выглядеть как можно учтивее, он указал на край стола, поднес палец к губам, словно прося не делать глупых поступков, и тихо и быстро произнес:

– Je ne serai pas violent, ne craignez rien.⁵

– Qui êtes vous?⁶ – Леденя от страха, она убрала руку с края стола, подобрала под себя юбку и уселась на столе, как изваяние.

– Это не важно, – пробормотал про себя старший и мягко поднял на нее взгляд. Он знал, как нужно разговаривать с испуганными женщинами. – Je voudrais voir le Kainakoff.⁷

– Vous parlez de Nikolas Kainakoff?⁸..

– Oui, madame, – уже почти ласково подтвердил спутник Феликса, почувствовав после вопроса, что, если разговор затянется или усложнится, нехватка лежащего на полу телохранителя и переводчика будет ощущаться более явственно. – Ou est il?⁹

– Je vous le ramènerai tout-a-l'heure!¹⁰ – вскричала прекрасная преподавательница и живо соскочила со стола.

– Нет-нет, – остановил ее спутник Феликса. – Это тему мы уже проходили.

И протянул ей трубку, снятую с телефона.

– Может, ее снова положить, как лежала, да разговаривать? – вмешался неугомонный Феликс, еще не отошедший от красоты французских ног.

– Qu'est-ce qu'il a dit?¹¹ – заметив движение его руки, быстро спросила француженка и отстранила от уха трубку.

⁵ Я ничего не сделаю, не бойтесь. (фр.)

⁶ Кто вы такой? (фр.)

⁷ Я бы хотел видеть Койнакова. (фр.)

⁸ Вы говорите о Николае Койнакове? (фр.)

⁹ Да, мадам... Где он? (фр.)

¹⁰ Я сейчас приведу его вам! (фр.)

¹¹ Что он сказал? (фр.)

Старший поморщился и махнул рукой – межнациональное обозначение понятия: «пустяк, не заслуживающий внимания».

Пока она что-то быстро говорила в трубку, старший повернулся к Феликсу и отчетливо произнес:

– Еще раз откроешь рот, бью без предупреждения. Где бы ты его ни открыл.

Коля Кайнаков оказался рыжим малым с хитрым взглядом, довольно сообразительным для своих девяти лет.

– Вы не охранники.

– Мороженого хочешь? – Феликс плохо играл роль человека, любящего детей. За что тут же получил удар ученическим ботинком в голень.

– Твою!.. Сс... – сломался пополам шестифутовый громила и стал яростно растирать пораженную кость.

Переведя тяжелый взгляд с напарника на мальчика, старший мягко произнес:

– Vouz ne me reconnaissez pas, Nicolas?¹²

– Faites ve...nir linter...pre...te,¹³ – стараясь изо всех сил, выдавил ученик в сторону учительницы.

– Я ваш новый охранник, Коля, – сообразив, сообщил старший.

– А где Дима? – упрямо спросил мальчуган.

– У него корь.

– Как у мсье Жоржа? – третьеклассник покосился на ноги, торчащие из-под стола.

– Еще хуже. Пойдем, тебя зовет папа.

Пожав плечами, Коля направился к двери. Старший повернулся к прекрасной француженке и приложил к своим устам палец. Феликс тоже развернулся, провел рукой по горлу и, не сводя взгляда с декольте на ее блузе, сказал:

– Adieu, ma bonne.¹⁴

Все ушли.

– Moscou la ville sainte... – забормотала преподавательница, молниеносными жестами приводя в порядок свою одежду и прическу. – La voila la populace, la lie du peuple... Sans foi ni loi...¹⁵

Схватив с соседнего стола тетрадки, она машинально перебрала их и снова бросила на стол.

– Les malheureux, ils ne savent pas que je les quitte demain...¹⁶

Подбежав к двери, она уперлась в нее плечом, но неожиданные гости защелкнули ее на сломанный замок и теперь его невозможно было открыть ни снаружи, ни изнутри.

Она билась о дверь, призывая идущих мимо учеников позвать кого-нибудь на помощь, просила открыть дверь, но все проходили мимо.

– Dites donc, on ne parle donc pas francais dans cette boutique?¹⁷!

– «Адю, ма бонне», – презрительно пробормотал мужчина, усаживаясь за руль. – И это все, дефективный?

– Давно это было...

– Поехали к папе, слоны.

– Заткнись, сучонок!..

¹² Вы меня не узнаете, Николай? (фр.)

¹³ Позовите переводчика. (фр.)

¹⁴ Прощайте, моя милая. (фр.)

¹⁵ Москва, священный город... Бандитский народец, эти отбросы общества... Без совести и чести... (фр.)

¹⁶ Несчастные, они не знают, что завтра я их покидаю... (фр.)

¹⁷ Неужели здесь никто не говорит по-французски?! (фр.)

- Тебе конец.
- Ты или заткнешься, рыжий, или я тебе сейчас ранетку откручу...
- Заткнитесь оба.

Глава первая

Через пятьдесят две минуты после случившегося в здание на Печатниках, что в восьмидесяти шагах от церкви Успения, прибыл старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Иван Дмитриевич Кряжин. Он был в сопровождении трех оперативников МУРа и эксперта-криминалиста.

Для школы французского образа жизни такое явление в диковинку. До этого в ее стенах телохранителей не били и детей не похищали. Директор, серый, как узник перед расстрелом, ходил за Кряжиным тенью отца Гамлета, бормотал о невозможности произошедшего, чем вызывал в следователе явную антипатию.

– Вы поймите меня правильно, – твердил директор, – это из ряда вон выходящий случай. Наша школа гордится репутацией порядочного заведения, и все это не должно лечь пятном на ее прошлое и настоящее.

Словом, всеми возможными способами пытался уговорить Кряжина не предавать это дело огласке. Наверное, директор был в шоке. И плохо соображал, к кому обращается.

– Вы не поняли, что произошло, господин Гоффе? – остановился Кряжин на полпути от входа до центральной лестницы. Взгляд его светился желтыми огоньками сарказма. – Так я вам объясню. Из вашего порядочного заведения похитили ребенка. И только благодаря профилю вашей школы свидетельница смогла сообщить о случившемся лишь через полчаса. Она говорила по телефону до тех пор, пока за пульт оператора Службы спасения не сел человек, учивший в школе французский язык. Где эта дама?

Кряжин и майор МУРа по фамилии Саланцев, не дожидаясь подсказки, завершили диалог и стали подниматься по лестнице. Третья дверь справа по коридору была распахнута настежь, восьмидесятидолларовый замок на ней висел, как сломанный шпингалет, поэтому терять время на соображение, куда идти, следователю не пришлось.

Он вошел в кабинет, машинально отметив, что номер его – четырнадцатый, пропустил Саланцева и прикрыл створку.

Женщина с золотыми волосами и пластиковым стаканчиком кофе в руке тут же что-то закричала и стала махать рукой, словно отпихивала невидимого мужика.

– Что она говорит? – поинтересовался Кряжин, принюхиваясь к запахам. В кабинете пахло сгоревшим металлом, духами, преступлением и неприятностями.

Психолог Службы спасения, сидящий рядом с золотовласой, объяснил следователю, что вид закрытой двери теперь будет некоторое, возможно, продолжительное время тревожить ее и внушать страх.

Неподалеку от женщины, очарование которой Кряжин отметил сразу и безапелляционно, располагался дюжий парень лет тридцати с перевязанной головой. Он сидел, как астматик, опустив голову и упершись ладонями в собственные колени.

– Что с этим? – Пока следователь задавал вопросы, ответы на которые не занимали много времени.

– Сотрясение мозга, полагаю, – отвечал работающий с ним медик Службы спасения. – Челюсть не сломана, но при падении он ударился затылком о радиатор водяного отопления.

– А еще у него брюки были спущены, – сообщил специалист Службы спасения, сматывая шнур «болгарки».

Следователь пожевал губами и повернулся к Саланцеву.

– Андрей Андреевич, будь добр, пригласи директора Гоффе.

Тот вошел во вскрытый кабинет, играя сразу две роли одновременно – конферансье и переводчика.

– Познакомьте нас, – попросил Кряжин.

Как и положено в лучших домах, господин Гоффе сначала представил мужчину женщине, а потом наоборот.

– Мадемуазель Вишон, из Марселя, учитель французского языка, отмечена наградами международных конкурсов. Прибыла к нам в августе и до сих пор поражает качеством и интересом проводимых занятий. А это Жорж Дюбуи, ее телохранитель и переводчик.

– Скорее переводчик, чем телохранитель, верно? – обратился к господину Дюбуи Кряжин. – Я, пока ехал, все думал, директор Гоффе, что лучше: русский в России, не знающий французского, или француз в России, не понимающий ни слова по-русски. Ваша мадемуазель тридцать два раза набрала номер телефона Службы спасения, пока ее поняли. Вы чем все это время занимались, господин Жорж? Хотя нет, давайте сначала...

Жорж на вполне приличном русском пояснил, что он находился в кабинете с Сандрин Вишон и охранял ее тело. Она часто просила давать ей уроки русского языка, и он как раз этим занимался, когда вошли неизвестные.

– У него были спущены брюки, – тихо, но упрямо повторил, пряча «болгарку» в кофр, слесарь с совой на спине.

– Я осматривал себя после нападения! – запротестовал Дюбуи.

– Его били в голову, – вслед за слесарем тихо и упрямо опроверг увертку охранника медик.

– Но я падал! У меня до сих пор болит колено! Прикажите этим людям выйти, господин следователь, я все объясню.

Кряжин поблагодарил спасателей с совами на униформе и попросил выйти для составления необходимых им документов в коридор. Саланцева он озадачил проблемой перекрыть силами оперативников вход в то крыло, где располагался четырнадцатый кабинет.

– У нас уроки, – возмущенно шепнул директор Гоффе.

– А мне насрать, – еще тише произнес Кряжин. Ему ужасно не нравился директор Гоффе, но приходилось всячески делать вид, что он относится к нему с уважением. В этом, во всяком случае, были убеждены окружающие. И даже могли в этом поклясться.

– Жорж Дюбуи, – теперь уже громко произнес следователь, вынимая из папки протокол допроса. – Сейчас вы будете допрошены в официальном порядке, после чего поставите под показаниями свою подпись. Если вы ее поставите под ложными показаниями, я гарантирую вам неприятности, связанные с российским уголовным законодательством. А потому, пока я еще даже не обозначил время допроса, начинайте сначала и всерьез.

Мсье Дюбуи поиграл желваками и нагло посмотрел на следователя. Впрочем, этот взгляд очень забавно смотрелся из-под повязки.

– Я вам слова не скажу, пока здесь не будет консула Франции.

– Да нет проблем. – Кряжин с грохотом захлопнул папку и вынул из кармана мобильный телефон. Поиграл на нем кнопками и спустя мгновение заговорил: – Егор Викторович, в прокуратуру нужно срочно вызвать консула Французской Республики.

«Начальнику следственного Управления Генпрокуратуры звонит», – злорадно подумал Саланцев, глядя на измочаленного телохранителя.

Но это злорадство следователь ошибочно, как показалось Саланцеву, принял за лень.

– А вы, Андрей Андреевич, сию минуту свяжитесь с президентом российской ассоциации телохранителей. Вам известно, господин Дюбуи, что она является филиалом Международной? Я, конечно, не Кутузов, но утру Михаилу Илларионовичу нос тем, что выставлю вас из Москвы в течение двадцати четырех часов. И расстараюсь таким образом, чтобы по возвращении на родину единственная работа, на которую вы могли бы устроиться, – грузчик в придорожном бистро.

Французский язык – язык любви. На нем слагаются романтические песни, и голос той, что заговорила, был похож на бег только что растаявшего ручейка по камням.

– Что она говорит, директор Гоффе? – справился следователь.

– Мадемуазель Вишон говорит, что не нужно консула, она спасет честь мужчины, пытающегося спасти ее честь.

Запах духов в помещении стал перебивать вонь окалины.

– Получается, она довольно сносно понимает по-русски? – удивился Кряжин.

– Слова «консул» и «республика» – международные, господин следователь... – скромно потупил взор директор Гоффе. – Не говоря уже о слове «Кутузов».

– Хорошо, – разрешил Кряжин. – Пусть спасает.

Через четверть часа следователь знал все до мельчайших подробностей. Мадемуазель Вишон в середине разговора стал помогать мсье Дюбуи, так что по его окончании Кряжин имел возможность увериться в том, что противоречия отсутствуют. Техника похищения сына известного в столице угольного магната Кайнакова Альберта Артуровича была столь же проста, сколь и дерзка.

Хотя, если разобраться, это был меньший риск, нежели пытаться отбить девятилетнего мальчугана из бронированного «Мерседеса», набитого охранниками.

– Вези мадемуазель со спутником, директором и охранником ко входу в прокуратуру, – приказал Саланцеву Кряжин. – Я подъеду туда через час. Кайнаков уже прилетел в Москву?

– Да, – ответил опер. – У него на квартире наши люди.

– Не нужно созваниваться... – пробормотал Дюбуи.

– Вы об ассоциации телохранителей или о консуле?

– И о том, и о другом, – смущенно пробормотал тот.

– Видите ли, Жорж, – и Кряжин опять пожевал губами, – консула пришлось бы вызывать в обязательном порядке. А существует ли в природе международная ассоциация телохранителей, мне неизвестно.

В воздухе опять запахло сгоревшим металлом.

– Но, если вы снова начнете хмурить взгляд... – жестокий следователь похлопал себя папкой по пиджаку. – Вам есть разница, посредством чего я вам испорчу карьеру телохранителя? Есть ассоциация, нет ассоциации... В Японии самурай, не сберегший честь своего хозяина, делал себе харакири. Если не делал, его резали другие самураи. Что так, что так... Саланцев, рассаживай людей в автобус!

Квартира Кайнаковых – Альберта Артуровича, президента угольной корпорации «Транс-Уголь», и его жены Ангелины Викторовны, домохозяйки, – представляла собой обычное жилище для людей данного достатка и социальной принадлежности. Восемь комнат с двумя санузлами и кухня, в которой в три потока могла отобедать мотострелковая рота, занимали два этажа и площадь типичного дачного участка среднего горожанина. На этих шести сотках, умошенных паркетом и испанским кафелем, размещались бильярдная, бассейн, библиотека и летний сад с выходом к Москве-реке. Здесь, с высоты птичьего полета, хозяева могли предаваться воспоминаниям о нищенской молодости, когда были должны всем знакомым, читать Набокова, дожидаясь, пока ветер перелестнет страницу, и верить, что бессмертие – не миф.

Ныне в этой квартире царил траур. Скорбь, замешенная на проклятиях. Молодая Ангелина Викторовна, не стесняясь присутствия следователя Генпрокуратуры, кляла мужа за то, что у них «есть все это и еще сто раз по столько».

– Нужно было жить, как жили! – кричала она, прижимая совершенно мокрый платок к покрасневшимся от длительного плача глазам. – Четырехкомнатная на Большом Факельном («Это где?» – сразу подумал Кряжин, живший именно на этой улице), трехлетний «Мерседес» и лето на Кипре! Что еще тебе нужно было?! И никому не нужен был наш ребенок, кроме нас! Но стране нужен уголь, а нам достаток!.. Кому теперь нужен этот достаток? Будь он проклят!

Альберт Артурович своей вины не чувствовал. Еще до восклицаний жены он строго предупредил следователя о том, что если они не в состоянии, то он сам все уладит, но чтобы потом

к нему не было никаких претензий. Лицо магната было исцарапано собственными ногтями, как у младенца, глаза горели углем не хуже антрацита, что добывала его корпорация, и со стороны казалось, что от желания броситься к прозрачному сейфу с восемью единицами стрелкового оружия в гостиной его останавливает лишь присутствие власти.

– Почему вы не спрашиваете, есть ли у меня враги? – не удовольствовавшись тем, что следователь молча наблюдает за семейной сценой, воскликнул Кайнаков.

– Я жду, пока вы закончите, – вяло потянувшись в кресле, ответил Кряжин. – Если же вас удовлетворит глупое звучание этой фразы, я ее произнесу. Скажите, Кайнаков, у вас есть враги? Нет, лучше так: у вас есть враги, специализирующиеся на киднепинге?

Альберт Артурович немного успокоился, изобразил на лице тягостное раздумье, после чего сообщил, что таких врагов у него нет.

– Вам стало легче, Кайнаков? – Кряжин с визгом расстегнул молнию на папке и выложил из ее несколько листов на стол. – Если бы вы знали, Альберт Артурович, вы бы мне сразу сказали. Вас не обидит, если я попрошу вас не давать мне больше советов?

Кайнаков, остывая прямо на глазах, сказал, что не обидит.

Довольный Кряжин встал и направился к стене, увешанной фотографиями в золоченых рамках. Над ними располагались головы леопарда, волка и медведя. Рядом была голова гепарда, однако задавать вопросы по поводу убийства животного, занесенного в Красную Книгу, в данный момент было неуместно. Саланцева следователь отправил в управление за аппаратурой, сам же, дожидаясь, пока жильцы квартиры войдут в состояние, при котором возрастает возможность продуктивно мыслить, стал тянуть время.

Ребенка у таких людей, как Кайнаков, крадут не для того, чтобы убить в лесу. Как правило, такое случается в том случае, когда возникает необходимость заставить папу сделать то, что при обычных обстоятельствах он ни за что бы не сделал. Сейчас у похитителей идет организационный процесс: похищенное дитя нужно пристроить, не напугать, замести следы и сжечь оранжевые «Жигули». Звонок на этот, под старину, телефон в гостиной последует лишь после того, как будет доподлинно выяснено главное – предприятию по похищению ребенка ничего не угрожает.

На все Кряжин отвел два-три часа. Через этот период времени неизвестные начнут терроризировать домашний и мобильный телефоны Кайнакова по полной программе. А сейчас даже нечего думать о том, чтобы предпринимать какие-то решительные действия. То, что нужно для бумаг и очистки совести, уже сделано: объявлена операция «Перехват» (спустя час после похищения ребенка из школы), посты ГИБДД ориентированы на розыск оранжевой «двойки», а опера в штатском – на поиск двоих мужчин, передвигающихся с ребенком девяти лет. Особые приметы мальчика – рыжие, как пионерский костер, волосы. Кряжин – весьма умный человек и весьма опытный следователь понимал, что только полный идиот может предположить, что эти мероприятия дадут хоть какой-то результат. Лишь заблокируют механизм работы дежурных частей Центрального административного округа. Уже сейчас в «дежурках» сидят человек сорок рыжих мужиков, а также сотни три детей, найденных милиционерами на улице. Рыжие бабы с детьми, старики с девятилетними внуками на прогулке – все они скоро будут в дежурных частях. Милиция в таких случаях работает безукоризненно.

Но даже неопытный следователь первого года службы вряд ли допустит, что в результате вышеуказанных мероприятий можно задержать людей, похитивших ребенка одного из самых богатых людей Москвы. Кайнаковых Коль воруют не для того, чтобы потом ходить с ними по городу. Их крадут наверняка, начав разрабатывать операцию за полгода до начала ее реализации.

– Это кто? – спросил Кряжин, прижимая палец к стеклу на рамке.

– Да какая разница, кто это?! – взвилась Ангелина Викторовна. – Это вице-мэр столицы! Полагаете, что он причастен к похищению?!

– А это вы рядом, да?

– Я, – скрипнув зубами, ответил Кайнаков-старший. – Умоляю, займитесь своими обязанностями.

Кряжин прошелся вдоль ряда звериных голов, взглядом бывалого охотника оценил оружие и покачал головой.

– Скажите, у вашего ребенка есть заболевания, требующие постоянного медикаментозного вмешательства?

– Что он спросил? – Жена вонзилась в супруга огненным взглядом.

– Он спросил, болеет ли Коля.

– Нет, – не отрывая взгляда от нескончаемого ряда фотографий главных действующих лиц страны, возразил следователь, – я поинтересовался, имеет ли он заболевания, при которых ему необходимо систематически принимать лекарства.

– Зачем вам это? – выдохнул Кайнаков.

– Когда вам позвонит неизвестный и начнет диктовать свои условия, вы откажетесь от них, настаивая на том, что, пока ваш сын не скажет, какого цвета таблетки ему давали и сколько капель капали на ложку, вы сотрудничать с неизвестным не станете. И назовете наименования медикаментов. Лекарства им в этом случае купить придется, так как им неизвестно, скажем, какого цвета и какой формы таблетки, поддерживающие ребенка в период лейкемии. Лекарства им купить придется обязательно; раз так, то они ему их обязательно дадут. Ибо было бы глупо убивать того, кого вы в любой момент можете затребовать к телефону. А это, – Кряжин воткнул фото в нижнем ряду, – Кассиус Клей, что ли?

Ангелина Викторовна моргнула левым глазом. Скорее это был тик, возвещающий о том, что она приходит в себя. Авторитет человека, бесшабашно разгуливающего по их гостиной, стал заметно давить на хозяев.

– Простуда у него в прошлом месяце была, – пробормотала женщина. – Сопли, глаза слезились. Но он уже месяц, как здоров.

– Это хорошо, – заметил Кряжин, – что простуда миновала. А я и не знал, Альберт Артурович, что Кассиус Клей интересуется сделками по продаже угля.

– Это не он интересуется сделками по продаже угля, это я интересуюсь боксом, – бросил Кайнаков.

Кряжин с руками, погруженными в карманы, продолжал мерить шагами бесчисленные метры помещения и разговаривал сам с собой.

– Звонок будет обязательно. И сердечные родители тут же начинают орать в трубку, как оглашенные: «Дай трубку сыну, я хочу слышать его голос!» На самом деле это глупый поступок, потому что такой вопрос очевиден. Поэтому умные люди похитителям сразу говорят о лекарствах, если это необходимо, и предупреждают о том, что последующие сеансы связи будут начинаться и заканчиваться разговором с ребенком. И только в этом случае сделка может состояться. А наиболее умные люди в таких случаях говорят следующее: «Ты взял у меня самое дорогое, что у меня есть. Убив это, ты совершишь огромную глупость, потому что теперь мне терять уже нечего. А потому я найду тебя без ментов, негодяй, – говорю это при ментах, – и дело твое швах. Изворачивайся, как хочешь, но чтобы во время всех наших разговоров ребенок был с тобой. И не говори мне, что в случае моего упрямства ты начнешь посылать мне ребенка по частям. Это неактуально и пахнет примитивизмом». А звонок обязательно будет.

В комнате слышалось лишь шуршание мягких подошв туфель следователя.

– Вы в Германию зачем летали? – вдоволь находившись по необъятному помещению, следователь вернулся в кресло и снова занялся папкой.

Кайнаков вынул из коробки на стеклянном столике тонкую сигару и шелкнул ножницами. Еще мгновение – и от длинной лучины под трехметровый потолок поползло облачко густого дыма.

– Германия занимает не последнее место в рейтинге производства и продажи каменного угля. Рурский бассейн, если вы понимаете, о чем я говорю. Я летал в Рур по приглашению немецких коллег.

Потом Кряжин задал еще три вопроса, а Кайнаков на них ответил. Поскольку вопросы задавались в логической последовательности по отношению к полученным ответам, пояснения Альберта Артуровича можно было объединить в короткий рассказ.

Месяц назад от одного из сопредседателей корпорации «Рур», что на востоке ФРГ, к президенту «Транс-Уголь» поступило приглашение для посещения указанной страны. Цель – обмен опытом по добыче угля. Там же предполагалось определить сферы деятельности, в которых были бы заинтересованы обе стороны. Корпорация «Транс-Уголь» – серьезное предприятие мирового значения, и от ее политики в том числе зависят доходы и будущее остальных разработчиков этого вида топлива. На совещании Кайнакову поступило предложение объединить «Рур» с «Транс-Углем» и этим укрепить позиции двух корпораций. Объединение означало монополию и, как следствие, увеличение прибыли. Вчерашним числом Альберт Артурович подписал договор о намерениях и взял короткий тайм-аут для принятия окончательного решения.

Весть о том, что его сын похищен неизвестными, застала Кайнакова в Шереметьево, как только Альберт Артурович выехал с территории, прилегающей к терминалу.

– Кто знал о вашей командировке в Германию? – Кряжин пожевал губами, отмахнулся от наплывающей на него занавеси дыма и с чистой совестью вынул из кармана пачку «Лаки Страйк».

– Все, – нервно усмехнулся, разведя руками, Кайнаков. – Когда президент летит в командировку, об этом знает даже секретарь директора дочерней компании в Иркутске!

– Это смотря какой президент, – оторвался от записей следователь, – и смотря чего. А кому могла помешать ваша сделка с «Руром»?

На лице Кайнакова появилось обезображенное ехидством веселье.

– Тоже всем. Какую компанию в России и за рубежом не назовете, всем эта сделка была не на руку. Пытаетесь вычислить вероятное направление удара? Компас представляете? Так вот, с каждого румба по три раза.

Странный разговор происходил в одном из домов жилого комплекса «Алые паруса». Человек, у которого похитили сына, разговаривал с вызовом и заставлял следователя, пришедшего к нему на помощь по его же вызову, тратить время на обдумывание совершенно ненужных деталей. Сам же следователь, покуривая в квартире, лишившейся наследника, представлял собой живой образчик уставшего от исполнения должностных обязанностей чиновника.

Кряжин ждал Саланцева.

Ангелина Викторовна вдруг тонко завывала. Заголосила, вытянув губы трубочкой, как обиженный щенок.

– Вы его никогда не найдете... Он пропал... Мой мальчик пропал навсегда...

– Геля, не нужно, – гладил ее по голове, косясь на следователя, Кайнаков. – Мужайся, Геля... Я верю, он жив.

Она уже почти поверила мужу, но тут вмешался Игорь Сидельников, старший оперуполномоченный МУРа, капитан милиции, невозмутимый человек.

– Вы вот, женщина, – сказал Игорь, – напрасно так плохо отзываетесь о наших способностях. И потом, преступления против детей со стороны властей в отношении лиц, их совершивших, всегда карались особо жестоко.

Даже Кряжин с первого раза не понял, что именно хотел этим сказать решивший развезать разговорную тоску опер. То ли власти с особой жестокостью карают детей, то ли лица, совершившие преступления против детей, караются властями весьма жестоко.

– Был такой Жиль де Рец, – пояснил капитан милиции, – это сподвижник Жанны Д'Арк, если вы не знаете. Во времена великой смуты он растлил и убил собственными руками сто сорок детей. И что вы думаете? Его уличили, повесили на центральной площади Орлеана, а после труп сожгли. А вы говорите – никогда не найдем. Найдем, гражданка, и призовем к ответу!

Ангелина Викторовна без всякой надежды ее мужа на возвращение в сознание сползла с резного стула и ударилась головой оземь. О паркет «Таркетт», если говорить более точно.

Спокойствию в квартире на двадцать четвертом этаже пришел конец. Совместными усилиями гувернантки, Альберта Артуровича и его телохранителя Ангелину Викторовну переместили в спальню. В адрес Сидельникова сыпались резонные выпады, и даже Кряжин, который до сих пор был немногим из тех, кто сохранял спокойствие духа, чуть покраснел лицом.

– Ты, Игорек, если еще какие исторические факты вспомнишь, – шептал он, поднимая с пола фужер ударившейся в беспамятство молодой супруги, – так не стесняйся. Главное, чтобы они такими же яркими были.

Однако вместо того, чтобы все испортить, капитан полностью разрядил обстановку. В гостиной остались Кряжин с Кайнаковым, сам опер и телохранитель, которого, впрочем, следователь выставил из комнаты уже в следующее мгновение.

– А чем для остальных угольных компаний плоха ваша сделка с германцами? – спросил он.

– Мы поставляем в Европу дешевый уголь.

Альберт Артурович налил себе добрую порцию виски из квадратной бутылки и залпом выпил.

– Они инвестируют реанимацию шахт на Кузбассе.

Налил и выпил еще.

– Мелкие компании разоряются, и мы тут же выкупаем их собственность. Через пять (максимум – семь) лет в Европе и на Востоке будет одна корпорация, владеющая третью мировых угольных запасов...

– Нет, нет, – вмешался в ход событий Кряжин. – Больше не пейте. Вы не забыли, что у вас не контрольный пакет акций украли, а сына?

– Я помню, – ненавидящим взглядом пронзая тяжелые портьеры, выдавил Кайнаков. Однако стакан, такой же квадратный, как и бутылка, в покое оставил.

– Это все, что вы могли рассказать мне о вашем бизнесе?

– Все.

Кряжин легко спружинил от кожаного кресла и снова приблизился к бесконечной стене, увешанной золотистыми рамками.

– Вот этот – из администрации Президента. Этот – тоже, – касаясь пальцем каждой рамки, следователь двинулся вдоль стены. – Это советник мэра по вопросам градостроительства, начальник комитета по строительству. Депутат Государственной Думы от партии «Единение»... Депутат от фракции социалистов-демократов... Вы в обнимку с замминистра путей сообщения и карпом в другой руке... С представителем России в Европейском суде по правам человека...

Постояв еще минуту, он вернулся на место и кивком головы остановил ворвавшегося в комнату Саланцева – тот, прогибаясь, заносил коробку с торчащими из нее проводами и антеннами. Сзади него шествовал спец из отдела «Р».

– Вот я и думаю, Альберт Артурович, – с неподдельным любопытством рассматривая, как спец ввинчивает в разъемы штепселя, следователь заканчивал предложение, начатое еще у стены, – все ли вы мне рассказали? Давайте посмотрим на ситуацию моими глазами. У почтенного человека, имеющего вес и в стране, и за рубежом, похищают ребенка. Дабы не смущать вас юридическими формулировками, сразу поясню, что расследованием этого дела в принципе

должно заниматься Управление по борьбе с организованной преступностью. Во взаимодействии с оперативно-разыскным бюро. А меня вызывает начальник следственного Управления Генеральной прокуратуры Смагин, которого я, кстати, не нашел ни на одной из фотографий, и сообщает, что расследование данного преступления поручено мне. И находится под контролем Генерального прокурора, – следователь прервался только для того, чтобы в полной тишине щелкнуть зажигалкой. – Ну, ладно: к Генеральному прокурору что не попадет, сразу оказывается у него под контролем. Специфика такая. Но я так и не понял, почему у него под контролем оказалось дело, место которому в руках дознавателя УБОП?

День миновал середину, и солнце перевалило через зенит. В комнате стало чуть темнее и оттого сразу чуть свежее. Тень на стене от колонны в углу стала на треть шире, тень от люстры вытянулась наполовину. В гостиной работал кондиционер. И Кряжин с удовольствием расстегнул на своей крепкой груди еще одну пуговицу.

– Все готово, – сказал спец, отводя в сторону выходящий из-за уха микрофон.

Кряжин молчаливо поблагодарил его и снова обратил взгляд в сторону Кайнакова, который мучился, выбирая между правдой и умным ответом. Взгляд Кряжина говорил, не скромничая: «Ты видишь, сильный и могущественный человек, – я работаю. У меня дома есть диван и телевизор, в холодильнике запотевшие бутылки с пивом, а в сейфе на работе – груда еще не распахнутых дел. Но я здесь, и я надоедлив. Вы корили меня, что я бездействую, занимаюсь ерундой, вместо того, чтобы выбегать на улицу и спрашивать у прохожих, не видели ли они рыжего мальчика девяти лет от роду. Я видел фото, я объяснил, что нужно говорить в первую очередь при внезапном звонке, а вы этого даже не заметили. Сейчас я хочу помочь, но мне нужна правда. Где она, отец, любящий своего сына?»

– Это государственный проект, – промолвил, наконец, Альберт Артурович.

– Не понял.

– Сделка с «Руром» должна произойти, в случае моего согласия, под кураторством руководства Топливо-энергетического комплекса. В противном случае меня ждет судьба многих очень богатых, но независимых людей. Богатеть в нашей стране позволено лишь тем, кто обогащает своими трудами государство. Точнее сказать, лучших его представителей.

«Я не успел расспросить об этом Смагина по телефону, – с досадой подумал Кряжин, – а мне уже почти показалось, что дело просто в ребенке. В маленьком ребенке».

– Вы сейчас потеряете от горя голову, сделка не состоится, и страна лишится многих миллионов долларов. Это непозволительная роскошь для государства, поэтому делом должны заниматься серьезные люди, чье участие гарантирует успех. Я все правильно перевел с птичьего языка на русский?

– Евро, – поправил Кайнаков и с неприязнью посмотрел на следователя. – Многих миллионов евро. А что касается головы... Ведь я, черт возьми, ее уже потерял. Если вам это, конечно, интересно.

– Нет. Мне это неинтересно. Это должно быть интересно вашему участковому врачу.

Кайнаков посмотрел на Кряжина взглядом, полным неприязни.

– Скажите, Иван Дмитриевич, вы, когда слышите запах цветов, головой в поисках гроба не вертите?

– Это здоровый цинизм, Альберт Артурович, – поспешил объяснить свои мысли вслух следователь. – Но служить в Генеральной прокуратуре и не быть циником – это то же самое, как если торговать углем, не умея отличать антрацит от торфа. Но мой цинизм более безобиден, как если быть губернатором дотационного региона и покупать при этом в личную собственность футбольные клубы.

– Не люблю футбол.

«Я хоть какое постановление о передаче дела вынесу, рассматривать его будет все равно Генеральная, – «важняк» пожевал губами, обдумывая перспективы разговора со Смагиным. –

А скажут, что я не захотел искать ребенка. Маленького ребенка. И будут правы. Потому что я на самом деле хочу найти этого ребенка, а, отказавшись от дела, получится, что я добровольно отказался от этой мысли. Любомиров ребенка не найдет. И Костюков не найдет. И Кисенко не найдет. А Вершинин тем более».

– Сейчас начнется детский сад, – предупредил Кряжин Кайнакова, скидывая пиджак. – Поступит звонок, разговор займет чуть меньше двух минут и прервется. Через полчаса вам снова позвонят, но уже из другого места, и разговор снова займет не более двух минут. И так будет продолжаться до тех пор, пока эти люди не выскажут все свои страшные мысли. Пугаться этих мыслей не стоит, ибо не в их интересах делать вашему ребенку плохо.

– Почему две минуты? – машинально спросил Альберт Артурович.

– Потому что бытует ни на чем не основанное мнение, что, если разговаривать меньше ста двадцати секунд, оператор не успеет засечь месторасположение абонента.

– А это точно ни на чем не основанное мнение?

Кряжин кивнул спецу.

– Можно говорить сто восемьдесят, – ответил тот. – А если звонок «транзитный», то и полчаса.

– Глупо, – согласно буркнул Кайнаков и снова потянулся к бутылке.

Следователь оказался проворнее.

– Старший советник, – с яростью наблюдая за перемещением бутылки на столе, выдавил Кайнаков, – правда ли, что в прошлом году вы потеряли заложника?..

– Неправда. Я не старший советник. Я советник.

– Так потеряли или нет?!

– Это не я его потерял, а жена, решившая заплатить по требованию. Если вы намерены сделать то же самое, то давайте сразу условимся не распускать слухов, дабы в следующий раз мне не пришлось выслушивать подобное от кого-нибудь другого. – Поднявшись и приблизившись к спецу у аппаратуры, следователь попросил его подключить к параллельной связи и все четыре мобильных телефона, имевшихся в доме Кайнаковых.

Альберт Артурович, вставая, чуть качнулся и направился к Кряжину. Взял его за рукав, вяло потерял, из чего тот сделал окончательный вывод о том, что собеседник пьян, и буркнул:

– Ну, Иван Дмитриевич!.. Вас же так зовут? Без обид, ладно? Я слышал, что вы профессионал, но я боюсь повторения того случая. Ну... Ну, словом... Если вы понимаете, о чем я говорю.

– Понимаю.

В декабре 2003 года Иван Дмитриевич Кряжин расследовал дело по факту похищения сына посла Чехии в России. Трое обкурившихся отмороzków захватили мужчину, ни слова не понимающего по-русски, и решили получить за него три тысячи рублей. Конечно, они не имели представления, кто оказался в их руках и что вообще они делают. Сын посла дал им номер телефона, и те объяснили, что им необходимо. Уголовное дело было возбуждено по статье «похищение человека». Следователь при помощи переводчика очень подробно объяснил, что самому послу и его невестке следует делать, однако посол и его невестка пошли другим путем. Они принесли требуемую сумму в сумке, как того и требовали наркоманы, и оставили в мусорном баке во дворе одного из домов на Лесосечной. Вернувшись домой, они приняли еще один телефонный звонок, и теперь им было предложено принести три тысячи долларов. Ни слова не говоря следователю, они повторили трюк с сумкой. Вернулись домой, телефон опять зазвонил. Теперь их попросили поставить в бак третью сумку с пятьюдесятью тысячами долларов. Получив и эти деньги, наркоманы убили заложника, позвонили еще раз, попросили пятьсот тысяч долларов и исчезли навсегда. Сумма в полмиллиона великовата даже для посла Чехии, даже при условии уплаты за жизнь сына, и было решено поставить Кряжина в известность о собы-

тиях, происходивших за его спиной в течение ближайших суток. К тому моменту, когда Иван Дмитриевич выслушивал слезные заверения через переводчика больше так не глупить, сын консула был мертв уже два часа. В Администрацию Президента и Генеральному из консульства Чехии поступила информация о том, что старший следователь Генпрокуратуры Кряжин в ходе расследования и в результате своих непрофессиональных действий потерял человека. Генеральной информации не поверил. Смагин не поверил. Никто на Большой Дмитровке не поверил. Остальные поверили, в том числе и Кайнаков.

– Когда кофе проливается на одежду, Альберт Артурович, это уже не кофе, а грязь, – не поворачиваясь, но и не освобождая рукав, сказал Кряжин. – Если вы понимаете, о чем я говорю.

Время текло, как в больном сне. Хочется двигаться быстрее – уж лучше бы он сзади напал и изувечил. Если повезет, то можно будет убежать. Но время словно замедлило свой ход. Ноги волочатся по земле, а сзади раздается учащенное зловонное дыхание того, кто настигает. Страшно даже обернуться, потому что вид чудовища окончательно обездвигает ноги... Звонка не было.

Он оперся обеими руками на спинку кресла и почесал мочку уха. Беседа оставила в нем странные ощущения. Было в ней что-то недосказанное. Следователь, как и всякий человек, боялся всего, чего не понимал. По-своему боялся, по-«важнячески».

– Альберт Артурович, а вы как будто даже не обрадованы предстоящей сделкой с немцами?

– Вы смеетесь? – раздался сиплый голос с кресла напротив. – Меня лишили сына, а я должен радоваться своим успешным делам на фронте зарабатывания денег?

Следователь поморщился.

– Я не люблю зебр. И знаете за что? Непонятно, какого они цвета. То ли черные в белую полоску, то ли белые в черную. Сделка с «Руром» должна принести вам многие миллионы. Не хочу опять показаться циником, но в данной ситуации это для вас как нельзя к месту. Мир полон оттенков, и, говоря следователю о своих делах, вы не можете не понимать, что коль скоро я интересуюсь вашей сделкой, то она может являться первопричиной ваших нынешних неприятностей. Между тем вы ведете себя так, словно в вашей жизни случилась не одна неприятность, а две: похищение сына и предстоящая сделка с «Руром».

Кайнаков выбрался из кресла, подошел к морде медведя, подумал и вдруг с размаху влепил ей свинг справа. Голова даже не дернулась, но известка из-под ее шеи посыпалась. Кряжин тут же отметил: удар поставлен.

– Многие миллионы... – просипел он, и следователь уловил в сипе сарказм. – Вы, слуги государевы, как дети ехидны, ей-богу. Вы хорошо меня слышали, когда я вам говорил: сделка будет совершаться под кураторством Топливо-энергетического комплекса? Объяснить, что это значит?

– Объясните.

– Нет проблем. Просвещу. Это кураторство означает, что я, потратив колоссальные средства – личные, заметьте! – на реанимацию угольных разработок, позволяю государству, не вложившему в это ни копейки, сунуть свой пятак в мошну! Я буду получать тридцать процентов от прибыли, в то время как господа из ТЭК начнут высасывать из предприятия семьдесят! Сомневаюсь, что эти семьдесят уйдут в казну! Сделка ведь коммерческая! Жирные чиновничьи хари работают в этом стиле десять последних лет, и на это обречен весь российский бизнес! Иначе – отказ в лицензиях и кредитах, преграды административного плана! Вы, Кряжин, как ребенок, ей-богу!.. Да я скорее уеду из страны, скину капитал на счета в зарубежных банках и буду жить на проценты, чем пойду на такую сделку! Вот им! – Кайнаков выставил перед собой руку, ограниченную в локте другой рукой. – Я достаточно популярно объяснил? Очень жаль, что вы не в курсе таких сделок!

Внезапно успокоившись, Кайнаков подошел к бутылке, но на этот раз поскромничал: налил в стакан на палец.

Алкоголь, по-видимому, удовольствия ему не доставил. Или не устроила доза. Убитый горем отец недовольно пожевал губами, почти по-кряжински, отошел к окну, снова посмотрел на медведя – бить, не бить? – и вдруг подошел к собеседнику.

Уже совсем по-товарищески, прижавшись плечом к локтю следователя – достать высокого Кряжина Кайнаков был не в состоянии – президент остервенело зашептал: «Да я их всех, сук... по одному... пачками... никого не прощу... под водой... в небе...».

Повернувшись к президенту, Кряжин втянул носом пары виски и даже не поморщился. Нельзя старшему следователю Генпрокуратуры морщиться.

– Заполните на треть стакан водой, разбейте куриное яйцо и выжмите туда половинку лимона. Добавьте три капли нашатыря, – пожевав губами, не выдержал и сыграл желтой искоркой в глазу, – встряхните, но не взбалтывайте.

– Издеваетесь, – сокрушенно наморщился президент и покачал головой. – Но вам не понять...

– Вам скоро разговаривать с людьми, о психологическом состоянии которых даже не догадываетесь. Собираетесь пугать их своим пьяным говором? Умойтесь, выпейте коктейль, посмотрите сверху на город, придите в себя. – Следователь оставил педагогический тон и резко развернулся к спецу, поднявшему вверх руку. Зуммер еще не прошел, но лампочка на табло уже свидетельствовала о том, что появился сигнал.

Кряжин надел наушники в тот момент, когда на столе кайнаковской гостиной завершал телефон.

– Это они!! – раздалось из спальни, и следом тут же послышалось:

– Успокойтесь, с вашим мужем умные люди. – Как-то странно прозвучало это из уст Саланцева. Неоднозначно. Но Ангелина Викторовна была не в том состоянии, чтобы выстраивать логические ряды.

– Возьмите трубку, – приказал Кряжин, стараясь не напугать этим приказом Кайнакова. – Если возникнут затруднения с разговором, посмотрите на меня.

Тот кивнул, смял сухие губы для глотка, но сглотнуть не смог.

Он был не прав, когда заявлял, что Кряжин его не понимает. Следователь не имел детей – да, но таких вот, «детолишенных», он перевидал десятки. А потому – понимал. Еще как понимал...

– Да... – проскрипел в трубку Альберт Артурович.

– Господин Кайнаков, – услышал Кряжин в наушниках, – это по поводу исчезновения вашего сына.

– Дайте мне...

– Мы ничего вам пока не дадим. Ваша квартира забита людьми из МУРа и прокуратуры, – голос неизвестного был совершенно спокоен. – Через пять минут мы перезвоним, и, если вы снова будете находиться под контролем, звонков больше не поступит. Это значит, что мы не добились своей цели. А это, в свою очередь, означает, что ваш сын нам без пользы. Могу прямо сейчас сказать вам, где вы найдете его тело, если через четыре минуты и сорок секунд в вашей квартире будут находиться власти. В мусорном баке на улице Тарусской. Это в Ясенево.

Губы Кайнакова тряслись, когда он протягивал трубку следователю. А по лицу Кряжина можно было понять, что ничего неожиданного не произошло. Твердым шагом он подошел к окну и задернул тяжелые портьеры.

На столе зазвонил мобильный. Альберт Артурович на подгибающихся ногах подошел к столу и потянул трубку за провод.

– Альберт Артурович, распахните шторы, – услышал в наушниках Кряжин.

Лицо его чуть побледнело, он медленно вышел из комнаты и прильнул к шторке спальни. Перед ним располагались три здания жилого комплекса «Алые паруса». Увидеть, как следователь задергивал шторы, можно было лишь из квартиры одного из них либо с космического спутника. Кайнаков, конечно, человек обеспеченный, и подход к нему должен быть соответствующий. Но вряд ли кто-то решил раскрутить Альберта Артуровича, имея в своем распоряжении такой летательный аппарат.

Что касается квартир в домах напротив, это еще более бесперспективный вариант для отработки. Дать команду окружить три высотных дома и проверить все квартиры на уровне жилья Кайнакова?

Ничего более глупого и представить невозможно. Связь с квартирой Кайнаковых ведется, конечно, через пять транзитных узлов, и к моменту входа в искомую квартиру в доме напротив там будет находиться пара влюбленных в жгучей позе и никаких следов аппаратуры...

– Осталось две минуты, – прошептал, подсвистывая, Кайнаков.

– Отключай прослушку, – скомандовал Кряжин спецу, проведя пальцем по виску.

– Как это? – растерялся протрезвевший президент. – Что вы хотите этим сказать?

Следователь подошел к столу и, каждые десять секунд поглядывая на наручные часы, стал помогать сотруднику отдела «Р» вынимать штепсели из гнезд. До окончания контрольного времени оставалось около тридцати секунд, когда Кряжин, со свистом отдернув портьеры, захватил в руки то, что не поместилось в руках спеца, и вышел вон.

Ему хотелось сказать Кайнакову: «Делайте все, как мы договорились», но вдруг ему на глаза попала настенная розетка, и люстра в необъятном коридоре, и радиоприемник на комодке...

– Да что мне делать-то?! – возопил Альберт Артурович.

– Делайте все, что они говорят, – посоветовал Кряжин, подходя с операми и спецом к входным дверям. – На кону жизнь вашего сына.

– И это вы называете профессионализмом?! – И в этот момент он вспомнил, что до сих пор находится на связи с похитителями.

Кайнаков, задыхаясь от возмущения и страха, дернул рукой, и трубка упала на ковровый настил гостиной.

Поднял он ее лишь с третьего раза. Поднес непослушной рукой к голове и вжал в ухо.

– Это был хороший совет, – сказал тот же голос. – Я о последних словах следователя. А теперь по существу...

Глава вторая

Пока его везли, Коля беспрестанно вертел головой в поисках знакомых уличных строений. Через пять минут он начал тревожиться. Во-первых, куда-то подевался киоск «Мороженое», что на углу третьей по счету улицы после школы. Его не было, и это Колю обескуражило. Во-вторых, кто-то снес церковь у метро.

– Куда ты едешь, слон? – заволновался Коля.

– Можно, я ему голову откручу? – пошутил сидящий рядом с Колей неприятный новый папин телохранитель.

Человек за рулем дурацкой машины ничего не ответил, лишь нервно крутанул толстой шеей.

Шутки нового охранника Феликса Коле не понравились, и он решил сразу сообщить отцу об их непочтительном к нему отношении. Слышанное ли дело? К нему, сыну папы, в комнату которого без спросу не заходит ни один человек, обращаются, как к уличному мальчишке!

Колины глаза наполнились слезами, и он решил молчать до самого дома. Но время шло, а знакомые улицы и здания не появлялись. Ему было еще трудно сообразить, что это не дорога к дому, а еще труднее понять – происходит что-то неладное. Еще через некоторое время стали происходить события, которые и вовсе не поддавались каким-либо объяснениям.

Человек за рулем остановил машину у черной иномарки («БМВ», – догадался Коля, увидев на решетке радиатора знакомую эмблему) и сказал, чтобы все выходили «быстро и молча».

Феликс схватил Колю за локоть, было больно, Коля дернул рукой, но от этого стало еще больнее – Феликс сжал руку так, что она онемела. Именно в этот момент девятилетний Кайнаков-младший стал догадываться, что везут его не домой и что происходит именно то, о чем предупреждал папа, когда говорил, что ходить по улицам без телохранителей становится все опаснее.

Его снова втокнули на заднее сиденье, и машина, рыкнув мощным двигателем, поехала дальше. Теперь дорогу не стало видно вовсе: сиденья располагались глубоко, а когда однажды Коля решил приподняться, тут же получил подзатыльник от Феликса.

Вот сейчас стало по-настоящему страшно. О таких ситуациях Коле не рассказывали ни дома, ни в школе. Учитель обеспечения безопасности жизнедеятельности Владимир Маркович твердил на уроке: «Que notre divin sauveur et sa très sainte mere vous aient en leur sainte et puissante garde»,¹⁸ а что нужно сделать для того, чтобы это произошло, не объяснял. Вместо этого постоянно выходил в лаборантскую, через минуту возвращался оттуда довольный и чуть розовый и начинал урок не с того места, где окончил.

Еще через пять минут Коле зачем-то натянули на плечи спортивную кофту и надели на голову капюшон. Он был велик, спускался до самого подбородка, и мешал смотреть по сторонам. Когда же мальчик попытался приподнять его край, Феликс взял его за шею и сжал так, что Коля тихо заплакал.

Потом его вели по лестнице, потом повернули и вели еще по одной, и таких поворотов с лестницами Коля насчитал восемь. Когда открылась дверь и щелкнул замок, он услышал над собой:

– Все в порядке?

– Нормально, – ответил тот, что недавно сидел за рулем.

¹⁸ Да сохранит вас наш божественный спаситель и его пресвятая мать под своим святым и могущественным покровом. (фр.)

– Полный порядок, – подтвердил Феликс и втокнул Колю в пахнущую пылью квартиру. Коле так думалось, что в квартиру, потому что за всю свою жизнь он был только в квартире и в школе. На школу это было не похоже, а потому, конечно, – квартира.

Его провели дальше, причем Феликс вел его, как лошадь, управляя шеей мальчика, словно уздой.

А потом его снова втокнули в комнату, а за спиной клацнул замок. Он стоял с минуту, боясь шелохнуться, но тишина подтверждала, что он в помещении один.

Тогда Коля приподнял край капюшона и посмотрел вокруг. Комната, чуть больше, чем ванная на новой квартире, пустая и темная. Окна заклеены газетами, в углу старый диван с мятым одеялом и подушкой, из которого клоками торчала серая вата, рядом – табурет, на нем – чистая тарелка и стакан. Под подошвами ботинок скрипел неровный паркет и шуршала ссохшаяся грязь. Пахло в комнате еще хуже, чем в гараже, куда он спускался с телохранителем Димой, который нынче заболел корью.

Коля дошел до дивана, присел на его край, увидел в углу спешащего по своим делам таракана и вытер кулаком сухие глаза.

Еще через минуту он беззвучно заплакал.

Под недоуменные взгляды оперативников Кряжин заставил всех сесть в микроавтобус Генпрокуратуры и велел водителю ехать на Большую Дмитровку. Следом за автобусом потянулся «Форд» «муровцев».

Уже в кабинете, рассадив всех по стульям, он без ложного эпатажа произнес фразу, которую повторяют всякий раз те, кто оказывается уличенным в чем-то нехорошем:

– Мы попали.

Ответом ему было полное молчание. Лишь спец отдела «Р» теребил шнур выглядывающего из коробки микрофона. Он и три сотрудника МУРа ждали объяснений.

– Квартира под их полным контролем.

– Бинокль в окне соседнего дома еще не есть полный контроль, – возразил Сидельников, коллега Саланцева.

– Я тебя прощаю. – Кряжин пожевал губами. – Но в следующий раз, когда тебе придет в голову усомниться в моем разуме, хорошенько перед этим подумай. Вы не слышали разговор с похитителями, который слышал я. За пять минут перед ним я произнес фразу, на которую в речи неизвестного нашлось место для возражения. Возможно, квартира Кайнакова прослушивается, и я уверен, что не одна гостиная. Вряд ли исключение составляют даже оба санузла. Вполне вероятно, что она не только прослушивается, но и довольно хорошо просматривается. Господин Торопов, время красноармейских биноклей ушло в анналы истории. Таким образом, я пресекаю ваши действия, направленные на поквартирный обход высотных зданий «Алых парусов». Не сомневаюсь, что вы их уже проводите. Кому вы звонили во время поездки сюда, Сидельников? Я видел ваш разговор через заднее стекло автобуса.

– Я попросил его позвонить в МУР и направить в высотки людей, – куснув губу, сообщил Саланцев.

– Остановитесь, оперативные сотрудники, – поморщился следователь. – Именем закона вас заклинаю. Ваша активная жизненная позиция не может не вызывать восхищения, однако всякую энергию надобно направлять в верном направлении.

В кабинете, в отличие от прохлады в гостиной Кайнакова, было довольно жарко. Взмокший воротник рубашки останавливал Кряжина, препятствуя его стремлению включить кондиционер сразу, однако на этот раз страх перед простудой не смог пересилить жажду свежести. Подняв со стола пульт, следователь направил его на вытянутый агрегат под потолком и нажал кнопку.

По мере того как в комнату стала поступать прохлада, угасал пыл сыщиков. Торопов отзвонился в МУР, спец наладил аппаратуру, и вскоре в кабинете послышалась запись телефонного разговора.

Дверь распахнулась, в кабинет вошел начальник следственного Управления Генеральной прокуратуры Смагин. Оперативники, не в силах оторвать взглядов от погон с тремя большими звездами, с почтением встали. Кряжин кивнул на аппарат, и начальник молча присел на край широкого стола следователя. Этот жест вызвал у оперов еще большее уважение, чем звезды на новеньких погонах. Только свой человек во время рабочего момента может сесть на стол. И сразу возникли сомнения: этот старший советник на самом деле начальник Управления? В тоскливых взглядах сыщиков засветилась надежда на то, что когда-нибудь и они дорастут до того положения, когда начальник Главка или министр МВД будет вот так заходить и садиться на край их стола...

– И ты решил вывести группу? – спросил Смагин, когда спец остановил пленку.

– Они полностью владеют ситуацией в квартире. Телефоны, имеющиеся в доме, прослушиваются. Под контролем и обстановка внутри квартиры. Думаю, что она и просматривается, если, конечно, говорящий по телефону не видел, как я задергиваю портьеры, а лишь слышал звук. Если второе верно, то нужно отдать должное сообразительности мерзавцев. Сблефовав, они сказали: «Внимание, мы не только слышим, но и видим».

Следователь наконец-то поздоровался с начальником и приблизился к сейфу. Вынул кобуру, подумал и стал разматывать для надевания. Ремни на ней были новы и блестящи, из чего опера мгновенно заключили, что она не надевалась ни разу после того, как была выдана со склада. И ужаснулись, когда увидели пистолет. Его, несомненно, регулярно чистили, но весь его вид убеждал в том, что если из него и стреляли, то только оружейники на заводе во время пристрелки.

Кряжин между тем снова сунул «макаров» в твердую кобуру и погрузил обратно в сейф.

– Если их требования к Кайнакову серьезны и речь идет о больших деньгах, им проще за неповиновение отца убить сына, а потом забрать жену. Вторично Альберт Артурович звать на помощь власти не станет. Он просто сразу сделает все, как нужно, чего бы это ни стоило.

– Может, Кайнаков обидел кого-нибудь, а сейчас терпит нужду по этой причине? – предположил Саланцев, ковыряя каблуком пол кабинета. – У меня есть сын. Он просил меня сегодня сводить его в кино про рыбку-клоуна. Он гуляет под присмотром воспитателя детского сада, и его никто не станет похищать, потому что мне нечего предъявить.

– Я бы сказал более, – вмешался Сидельников. – У честных людей детей не похищают. Но это так... Лирика. Искать нужно как можно быстрее, потому что ребенок тут совершенно ни при чем.

Окинув компанию вдумчивым взглядом, советник снова вернулся к сейфу, выгреб с его дна несколько папок и бросил их на стол. Грохнула закрываемая дверца, а следователь, как сеятель, стал разбрасывать увесистые корки с тесемками на колени «муровцев».

– Здесь материалы о похищениях детей за последние два года. Они совершенно идентичны по социальной принадлежности жертв, целям похитителей и конечным результатам. Я хочу, чтобы вы изучили каждую букву этих документов и высказали свои мысли об этом завтра утром.

– Я что-то не понял, – громко заметил Смагин.

– Это не дела, – краешками губ улыбнулся следователь. – Это мои личные записи по ходу расследования. Констатация фактов без комментариев. Комментарии я хочу услышать завтра из уст этих господ.

– Если бы знать, что квартира не просматривается, задача значительно упростилась бы, – произнес, сползая со стола, Смагин. Он сполз для того, чтобы наполнить стакан газировкой из сифона следователя.

Отличительная черта всех начальников – констатировать очевидные вещи, выдавая их за звенья собственной цепи рассуждений. После этого очень трудно кого-либо уверить в том, что к последующему успеху они не имеют никакого отношения. Начальник следственного Управления не был знаком с оперативниками. Точнее сказать, они не были знакомы с его манерами, а потому именно такие мысли в голову сыщиков заползли сразу и навсегда. И только Кряжину было хорошо известно, что если в этом доме на Большой Дмитровке и есть кто-то сообразительнее его самого, так это начальник следственного Управления Смагин.

Те же мысли, только в отношении Кряжина, преследовали, по-видимому, и Смагина, поскольку он, провозгласив тезис, не требующий доказательств, вопросительно посмотрел на следователя. В конце концов, он, Смагин, прав. Было время, когда напрягался он. Теперь же старший советник юстиции напрягается над решением других задач, а Кряжину приходится напрягаться над теми, которые казались ранее неразрешимыми для Смагина.

– Есть только один способ это проверить, – бросил следователь. – Хотя это рискованно. Но другого пути я не вижу. Может быть, видит кто-то из здесь присутствующих?

Никто не понимал, о чем вообще идет речь. О чем вещает следователь? Какой путь? Прокурорский кураж начинает давать о себе знать?

– Кто-нибудь, дайте мне свой мобильный.

Из пяти предложенных Кряжин выбрал тот, что оказался ближе, и посмотрел на запястье.

– Через пять минут все выяснится. Торопов, можешь пока сходить за водой для чая. Это по коридору налево. Только не перепутай таблички, женский силуэт на дверях практически не отличается от мужского.

Пока милиционер в оцепенении стоял перед двумя дверями туалета Генеральной прокуратуры Российской Федерации и пытался выяснить, на какой изображена длинная юбка, а на какой короткие брюки, Иван Дмитриевич Кряжин, упершись локтем в колено, нажимал на мобильном телефоне Саланцева кнопки, стремясь выразить русские слова латинскими буквами.

– Я знаю наверняка, что сейчас в квартире Кайнаковых есть только один телефон, не подключенный злодеями к прослушиванию.

Закончив разговор, Альберт Артурович опустошенно опустил на резной стул, на котором совсем недавно лишилась чувств его жена, и уставил в пол оловянный взгляд.

Кажется, Ангелина Викторовна была права. Кому нужно теперь это великолепие под стиль времен Великой французской революции? Президент несокрушимой корпорации «Транс-Уголь» даже не мог предположить, чем закончится этот разговор. Пять минут, заставивших пересмотреть всю жизнь.

Теперь можно.

Кайнаков тяжело поднялся со стула, причем поднялся столь неловко, что тот опрокинулся, и подошел к отставленной в сторону полупустой бутылке «J&V». Горлышко трижды стукнулось о край стакана, прежде чем он наполнился наполовину. Но выпить Альберту Артуровичу не пришлось. В прихожей нудно запиликал телефонный зуммер.

– Какого черта? – прохрипел Кайнаков. – Это еще не все?

Толкнув стакан и расплескав виски, он машинально вышел из гостиной и направился в прихожую.

И не поверил своим глазам. На столике под вешалкой лежала серебристая трубка Siemens, каковых в его доме отродясь не водилось. Так же не спеша президент ушел из прихожей и нашел дорогу в спальню. Там, обложенная подушками, как мешками со льдом, лежала его супруга. Лицо ее было закрыто мокрым полотенцем; виднелись лишь лишенные косметики губы.

– Геля, где твой телефон?

– На столе рядом с остальными, – едва слышно пробормотала убитая горем женщина.

– А у кого из нас есть серебристая «раскладушка»?

Ангелина Викторовна снова зашлась в рыданиях, и Кайнаков вышел прочь.

«Два домашних телефона – раз, – вяло шевелились цифровые мысли в голове угольного магната, – один Ангелины – два, и три мобильных мои. У Коли синий «LG». У Димы – черная «моторола».

Так и не найдя ответа на свои вопросы, Кайнаков вернулся в прихожую и сверху, как на бомбу, посмотрел на трубку.

«От этих подонков всего можно ожидать. Похитили Кольку для понта, а сейчас, когда я разверну телефон, раздастся взрыв. Потом, в случае чего, кто будет уверен в том, что похитители и убийцы – одни и те же люди? Хитра сволочь пошла ныне...»

Однако сразу после этих разумных мыслей Альберт Артурович поднял со столика телефон и выпрямил его половинки.

Взрыва не последовало. Лишь на ярком табло трубки горел значок полученного сообщения.

«Ерунда какая-то», – подумал Кайнаков и распечатал послание.

«Pozvoni s etoy trubki Kryazhinu 999-77-63».

Альберт Артурович прочитал сообщение четырежды. Не найдя почвы для размышлений, он с трубкой в руке вернулся в спальню.

– Геля, среди наших знакомых есть человек по фамилии Кру-аз-хин?

– Это не тот желтомордый, которому ты продал в Пекин полторы тысячи тонн угля? – простонала, пряча лицо под подушку, Ангелина Викторовна.

Похитители велели час после разговора сидеть дома, гостей не принимать и не звонить властям под угрозой смерти сына. Потом вдруг требование изменили, видимо, уверенные в том, что без ментов все равно не обойдется. Поэтому просто приказали исполнять в точности все, что будет велено. При любой попытке отца посвятить в события правоохранительные органы сына ждет смерть. Квартира находится под наблюдением, телефоны на прослушивании. Странные эти похитители, совершенно неадекватные. Либо крутые профессионалы, но не без искорки в голове, либо, наоборот, полные дилетанты, с коими, как известно, властям бороться еще тяжелее.

Кайнаков подумал. Из дома он не выходит. Охранникам внизу приказал не впускать в его квартиру никого ни при каких обстоятельствах. Найденный телефон не принадлежит ни Кайнакову, ни кому-либо еще из его окружения, и потом, Альберт Артурович просто уверен в том, что Круазхин – не мент.

Еще не понимая, что в его руках находится свободное от контроля средство связи, президент корпорации набрал указанный в сообщении номер. В конце концов, час миновал, и теперь можно делать все, что угодно, кроме разговоров с ментами.

– Алло, – сказал Альберт Артурович. – Я господина Круазхина могу услышать?

– Значит, вы все-таки допили бутылку, Кайнаков? – после небольшой паузы услышал Альберт Артурович.

– Иван Дмитриевич... – не то восхищенно, не то радостно прошептал президент. – Вы забыли в моей прихожей свой телефон. Я обязательно верну его вам...

– Послушайте, Кайнаков, если в вашей голове осталась хоть капля разума, слушайте меня молча, пока я не задам вам вопрос. Я специально оставил вам свой телефон, потому что при сложившихся обстоятельствах это единственный способ для вас связаться со мной и хоть чем-то помочь своему сыну.

Альберт Артурович кивнул головой. Необычный ход, он согласен. Такими ходами умные люди зарабатывают миллионы. Что дальше?

– Для вас поставили какие-то специальные условия?

– Никаких специальных условий, – затараторил Кайнаков, вытирая со лба неизвестно откуда взявшийся пот. – Мне велено к восьми вечера завтрашнего дня подготовить документы для отправки в Германию первых тридцати тысяч тонн угля. В дальнейшем мне перезвонят и сообщат новые инструкции.

– И это вам говорили в течение восемнадцати минут?

Кайнаков онемел, впрочем, всего лишь на мгновение.

– Вы тоже меня прослушиваете?

– Нет, это я наугад сказал, – сказал Кряжин. – Так что вам говорили еще?

«Страшный человек, – подумал президент. – И чем дальше, тем он страшнее». Вместе с этой мыслью Альберт Артурович стал чувствовать, что раздражение к этому человеку уходит, и его место занимает невольное уважение.

– Меня предупреждали о недопустимости вмешиваться в историю органы, о последствиях, которые наступят в результате слушания, и, вместе с тем, они приказывали оставаться дома и не впускать гостей... Геля, я тебя умоляю!.. – и, уже тише, для себя: – Микро-теща, мать твою...

– Что там у вас происходит? – поинтересовался следователь.

– Жена... словом... Переживает сильно. У нее психоз. Истерика.

И сам едва не впал в нее. Сразу после того, как Кряжин сообщил дополнительные инструкции, он отключился от связи.

– Да они что, сволочи, сговорились?! – взревел Кайнаков. – Геля, заткнись!.. Одни инструкции, как лаборанту в прозекторской!..

До того как стать угольным магнатом, Альберт Артурович работал младшим научным сотрудником в НИИ плазмы, потом санитаром в морге, а три последних года до начала своего «олигархствования» принимал лом цветных металлов. Потом еще три года копил по крохам, собирал и анализировал информацию, брал кредиты, скупал убыточные предприятия по частям. И в это же время появился Колька, которого сегодня похитили какие-то подонки. А пять последних золотых лет прошли так быстро, что он их даже не заметил. И сейчас великий и сказочно богатый Альберт Кайнаков сидит в собственной гостиной с пустым стаканом в руке и ждет инструкций от от замороженных бандитов и убогого умом следователя Генеральной прокуратуры. Прекрасное завершение многообещающей карьеры. Завершение, потому что президент не понимал, как будет жить дальше, если Коля не вернется в семью.

Допив чай, Кряжин поставил чашку на стол и за шнур подтянул телефон.

Смагин, потребовав от следователя звонков каждый час, ушел, в кабинете оставались Саланцев, Торопов и спец из отдела «Р». Последнему было совершенно безразлично, где проводить время. Начальство сказала: «В полное распоряжение старшего следователя по особо важным делам Генпрокуратуры Кряжина». И с этого момента он будет с Кряжиным, пока не поступит прямо противоположная по смыслу команда. Войдя в Pentium хозяина, он с выставленным перед собой стволом сорок третьего калибра гонял по монитору виртуальных монстров.

После звонка Кайнакову миновало восемь минут, и Кряжин снова набрал номер своего мобильного телефона.

– Альберт Артурович?

– Да, господин Кряжин! – сразу отозвался президент.

– Вам кто-нибудь звонил после меня?

Кайнаков едва не сорвался, однако в последний момент вполне корректно заявил, что в последнее время он нужен только следователю. Все свои деловые разговоры он прекратил и поставил защиту на все уровни связи, связанные с деятельностью «Транс-Угля».

– А теперь проверим, – сказал следователь и набрал с городского телефона номер домашнего телефона олигарха.

- Да! – рявкнул Кайнаков.
- Как у вас дела? – спросил Кряжин.
- Вы с ума сошли??
- Вам кто-нибудь звонил? – сочувствующе поинтересовался Кряжин.
- Да никто мне не звонил! Никому я, мать вашу, не нужен, кроме своего сына!
- Хорошо, ждем. – И Кряжин повесил трубку.

Повесил, выждал несколько минут, наблюдая, как ловко спец испаряет выстрелами зловещих типов на экране, и на этот раз стал набирать номер своего мобильного телефона, оставленного в квартире Кайнаковых.

– С ним сейчас истерика случится, – на всякий случай предупредил Саланцев, который, как и все, не понимал, что делает следователь.

– Отойдет, – ответил Кряжин и тут же заговорил: – Альберт Артурович, не бросайте трубку! Я делаю свое дело. А потому прошу вас ответить и на этот раз. Вам сейчас кто-нибудь звонил?

– Звонили, – вполне спокойно ответил президент. Он и не собирался прекращать разговор. – И похвалили за благоразумие. За то... что я не сказал следователю Кряжину, что они мне звонили. Я ничего не понимаю.

– Это неважно. Главное, что понимаю я. В вашей квартире нет камер видеонаблюдения. Как нет и квартирной прослушки. Однако все телефоны, зарегистрированные на ваше имя и на имя ваших близких, на прослушивании. И это все, что я хотел на данный момент выяснить. Через час я буду у вас и прошу обеспечить мне беспрепятственный проход к лифту. Мне и моим людям.

Специалист отдела «Р», начавший выслеживание абонента, производившего звонки, пришел в крайнее недоумение. Звонки велись через три телефонных узла связи, и последним из них был номер домашнего телефона семьи Кайнаковых.

– Эта шутка у них в ходу, – говорил спец. – Преступники ведут нас по кругу, а после выясняется, что номер выводит на ветку шантажируемых. После каждого звонка злоумышленники меняют направление, ведь с хорошей аппаратурой это не проблема, и запускают отдел по новому следу. Это может продолжаться бесконечно.

– Вы же говорили, что похитители почти слово в слово повторили в разговоре то, в чем вы убеждали Кайнакова до звонка? – робко возразил Саланцев.

– Между двумя этими фактами отсутствует причинно-следственная связь. У нас большая проблема, господа сыщики. Мы имеем дело с людьми, мыслящими так же, как и мы. Вы считаете себя профессионалом, Саланцев?

- Да.
- Тогда я поздравляю вас. Против нас работают профессионалы.

Глава третья

Часам к пяти вечера Коле захотелось есть. Не так, чтобы он мучился от голода, но ему казалось, что это невыносимо. Ведь за девять лет жизни мальчик ни разу не испытывал ничего подобного.

Но сейчас, когда в животе началось неприятное бурчание и ни с того ни с сего стали вспоминаться вчерашние кусочки мяса, пожаренные кухаркой Лизой (чего ранее с ним никогда не случилось), ему очень захотелось, чтобы папа быстро уладил все возникшие проблемы и приехал. Часовая стрелка прокрутила еще один оборот, и Колино желание увидеть папу утроилось.

Но он не появлялся. Вместо папы в комнате оказался Феликс. Прошел к табурету, поставил на него тарелку с какой-то дымящейся едой, забрал чистую и ушел. Но через минуту опять вернулся и буркнул:

– Извини.

После чего поставил рядом с тарелкой дымящуюся кружку.

В комнате стало еще темнее, и Коле, чтобы понять, что ему приготовили на ужин, пришлось склониться над тарелкой.

Так, наверное, кормят в обычных школах для обычных детей, ни слова не понимающих по-французски: две сосиски и железная кружка, оттуда свисает нитка одноразового чайного пакетика.

«Придется ждать на голодный желудок», – решил Коля и запрокинул копну своих огненно-рыжих волос на драную подушку. Но долго так пролежать ему не пришлось. Через двадцать минут дверь распахнулась и в комнате снова показался Феликс. Приблизившись и протянув к табурету руку, он вдруг остановился и почесал свой подбородок (в комнате раздался звук, напоминающий тот, что слышался, когда Лиза мела в кухне пол).

– Я не понял. Это что, вызов?

Коля не ответил, речь Феликса была ему непонятна.

– Ты жрать сегодня собираешься или нет? Или хочешь, чтобы дядя Алик потом выговаривал нам, что сын выглядит, как с креста снятый?

Коля резко вытянул ногу, и тарелка с сосисками свалилась с табурета на пол.

– Когда папа Алик с нашими слонами сюда приедет, он свернет тебе шею. И остальным тоже.

Феликс поджал губы, отчего его подбородок выдвинулся вперед, как полка комода, и поднял руку.

– У, ссс...

– Выйди из комнаты! – раздался знакомый Коле голос. Он слышал его в машине, которая привезла его в этот дом. – И притвори дверь.

подавив в себе желание взять щенка за ногу и ударить о пол, Феликс вместо этого опрокинул тарелку, а потом раздавил подошвой сосиски. По очереди. Сначала одну, потом вторую. И вышел, громко хлопнув дверью.

Коля сел на диван, отчего тот жалобно скрипнул, как седло, на котором мальчишка ездил в папином конном клубе, и заплакал.

Нужно было съесть эти сосиски.

Из протокола допроса гр. Франции Сандрин Вишон, 10.09.2004 г.:

«...Двое мужчин были приблизительно одного роста. Довольно высокие. Тот, что говорил, отличался неплохим знанием французского языка. Возможно, некоторое время прожил во Франции.

Вопрос: Почему вы так решили?

Ответ: У него был южный акцент. Так разговаривают в Марселе, Ницце, Тулузе... Я сама уроженка Марселя, поэтому хорошо разбираюсь в местных диалектах. Однако нужно заметить, что это был не врожденный акцент, а явно наработанный. Я преподаю французский язык и могу с уверенностью сказать, что так разговаривают иностранцы, прожившие на юге Франции не менее пяти лет.

Вопрос: Как выглядели неизвестные?

Ответ: Тот, что разговаривал с мной, симпатичный молодой человек возрастом около сорока – сорока двух лет. Волосы аккуратно уложены назад, на левой брови шрам, подбородок волевой, взгляд спокойный, в серых глазах светится ум. На висках едва заметая седина.

Второй с явными психическими отклонениями, нервозен. Не сводил взгляда с моих ног и выреза на платье. Возможно, он даже сексуально озабочен и испытывает проблемы в общении с женщинами. Он сказал мне: «Всего хорошего, крошка», но по акценту я поняла, что этим заявлением он полностью исчерпал свои познания во французском языке. Волосы тоже длинные, но, в отличие от первого мужчины, давно не мытые и не ухоженные.

На обоих мужчинах были дорогие костюмы, купить такие во Франции может позволить себе далеко не каждый. Галстуки они предпочитают покупать не на Арбате, а в бутиках. На том, что говорил со мной, был галстук ручной работы от Бриони. Префект Марселя на праздновании годовщины Великой революции был одет дешевле минимум на две-три тысячи франков...

Вопрос: Вы смогли бы опознать их при встрече?

Ответ: О да».

Из протокола допроса гр. Франции Жоржа Дюбуи, 10.09.2004 г.:

«... Показания желаю давать на русском языке без участия переводчика. С последствиями этого заявления я ознакомлен. (Подпись.)

В присутствии адвоката и консула Французской Республики не нуждаюсь. (Подпись.)

... По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее. Мы с Сандрин находились в кабинете № 14 на втором этаже школы. Около десяти часов утра в кабинет ворвались неизвестные. Сколько их было точно, я сказать не могу. Видел я двоих.

Описать могу того, кто вошел первым. На вид ему от сорока до сорока трех лет, одет он был в темный костюм, и от него пахло хорошим одеколоном.

Тот, кто вошел первым и рассмотреть которого я не смог, дважды ударил меня в лицо, после чего я потерял сознание. Более ничего пояснить не могу.

С моих слов записано верно, мною прочитано. (Подпись.)

Примечание. По факту нанесения мне телесных повреждений уголовного дела прошу не возбуждать и никого к уголовной ответственности не привлекать. (Подпись)».

– Что так? – откинулся на спинку Смагин, дочитав протокол до конца. – Считает, что по делу?

– Его удерживает страх лишиться работы, – объяснил Кряжин. – В тот момент, когда шла операция по похищению сына Кайнакова, он был глубоко влюблен в мадемуазель Вишон.

– А-а, – сказал Смагин. – Понятно. Работа телохранителя воспрещает чрезмерную близость с клиентом. А быть может, он накрыл ее собой, когда увидел злодеев?

– Тогда остается восхищаться его провидением. Боюсь, он накрыл ее еще тогда, когда злодеи только садились в угнанный из Сокольников автомобиль «ВАЗ-2102».

– Нашел?

Кряжин размял затекший затылок и выбросил на стол пачку «Лаки страйк».

– Нашел... Стоит, сволочь оранжевая, в Химках. Выгорел дотла.

– В Химках? – подкинулся Егор Викторович. С ежедневника, распахнутого перед ним, сполз «паркер» и цокнул по полу. – Угоняли в Сокольниках, использовали в центре Москвы, а сжигали в Химках?! А почему они еще часа четыре по Москве не покатались?

Следователь перед последним вопросом, единственным, который не относился к категории риторических, глубоко затянулся сигаретой, поэтому ответ его, сопровождаемый выходящим клубящимся дымом, смахивал на дьявольское предупреждение:

– Я послал за хозяином этой «двойки» Саланцева. Заявление об угоне от его собственного дома поступило в милицию в тот момент, когда машина уже горела синим пламенем. От дома угнали! Понимаешь, Егор Викторович? Получается, человек несколько часов в окно не выглядывал, чтобы убедиться, что машина на месте. Мутно, правда? Ой, мутно...

Саланцев приехал в прокуратуру час спустя. Объяснение тому, что он разыскивал хозяина машины три с половиной часа, заключалось в том, что потерпевший, который сейчас должен был страдать и пить горькую – люди, владеющие подобными моделями, и лишаящиеся их, как правило, машин уже не имеют никогда, – бродил по авторынку и высматривал среди ряда годовалых «девяток» подходящую замену.

Пятидесятилетний Галабердин Борис Петрович – так значилось в протоколе заявления с просьбой привлечь виновных в угоне его машины к уголовной ответственности – ходил по рядам, засунув руки в карманы, сплевывал сквозь щербину в желтом ряду зубов, наклонялся к капотам и разглядывал течи в помпах «Жигулей». Лицо его «потерпевшим» не казалось, на нем, наоборот, царило спокойствие и твердая уверенность в благополучии завтрашнего дня.

Жена его, Ольга Маркеловна, сразу не поняла, кто к ней приехал, а потому сказала сразу и без обиняков:

– За новой машиной он отправился на Ленинградский проспект.

– А, ну да, – сказал Саланцев спустя час после заявления об угоне и за сорок минут до официального объявления о ее обнаружении, – ваша старая сгорела же.

– Сгорела, – подтвердила тетка, незнакомая со сволочными примочками МУРа. – Ох, и намучились же мы с ней за семь лет.

– Я себе представляю, – покачал головой Саланцев и уехал по названному адресу.

Галабердин выбрал цвет «аквамарин». После семилетней езды на машине цвета свежее выкрашенного пола понять его было можно.

– Галабердин? – спросил, опираясь на чужой капот, опер.

– Да, – удивился, отстранившись назад, Борис Петрович. Посмотрев направо, он заметил еще одного, коротко стриженного, с печатью «УР» на лбу. – С кем имею?

– У вас машину угнали?

– У меня, – еще больше удивился Борис Петрович.

– Мы ее нашли.

– Как... нашли?

– Хороший вопрос.

Следующие три часа, пока Кряжин допрашивал мадемуазель Вишон и ее охранника и общался с руководством, старший опер МУРа потратил на выяснение факта несовпадения времени заявления со временем реального угона машины. Помня требование следователя не упоминать о событиях, предшествующих задержанию, Саланцев тщетно старался вытянуть неудачливого заявителя на разговор. Время шло, последний твердил, что ничего не знает, что деньги, изъятые у него, накоплены путем длительных лишений за продолжительный период времени, и стоял на том, что его задержание – желание милиции еще больше надавить на кровоточащую рану потерпевшему в момент испытаний, выпавших на его долю. Саланцев задержанных не бил никогда, однако некое сопоставление между разговором, так сказать, «нормальным» и «разговором превентивным», как и всякий сотрудник милиции, борющийся со злом, делал. Но Кряжин обезглавил его и тут. Он запретил давить на Галабердина еще и морально.

Саланцев терпел, Галабердин, почувствовав слабину в линии расследования, приободрился, и старший опер МУРа уже стал сожалеть о том, что следователь Генпрокуратуры попросил составить с задержанным предварительный разговор. По мнению сыщика, теперь позиции

следствия были ослаблены еще сильнее, чем до того момента, когда он ввел Галабердина в свой кабинет. Сыщик понимал Кряжина – лишние пересуды на стороне об использовании им в ходе следствия силы следователю не нужны. Не нужен и отказ подсудимого от показаний прямо в зале суда. Однако неужели Галабердин первый, кого приходилось брать в кабинете номер триста пятнадцать за шиворот и легонько встряхивать? Особых проблем от этого не случилось никогда. Жалобы были, но на кого не жалуются? Исключительно на тех, кто не работает.

Когда Саланцев вез Галабердина в прокуратуру, он чувствовал невесомое унижение и легкий дискомфорт. Рядом с ним на сиденье находился человек, которого в течение половины рабочего дня так и не удалось склонить к даче признательных показаний. Такое случалось и ранее, но никогда – в такой унижительной форме.

Об этом он и поведал полчаса назад Кряжину, пересказав вкратце содержание трехчасовой беспредметной беседы с Галабердиным. Тот велел ехать с задержанным на Большую Дмитровку немедленно, захватив с собой все необходимые документы.

Так домохозяин Борис Петрович Галабердин, проживающий на пособие с биржи труда, оказался в кабинете старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Кряжина с пятью тысячами долларов в кармане.

– Борис Петрович, – спросил старший следователь, положив руки на раскрытое уголовное дело, – случались ли в вашей жизни неприятности? Такие, чтобы всю оставшуюся жизнь помнились?

Безработный заявитель повращал выпуклыми глазными яблоками и остановил их на государственном гербе, вышитом на галстук советника юстиции. После перевел взгляд на веер купюр с изображением Франклина, лежащих на протоколе изъятия, и снова посмотрел на орла.

– У тебя мозги есть?

– В смысле? – буркнул Галабердин.

– Вот видишь. Простой вопрос, а у тебя уже проблема.

– Есть.

– А я думаю, что нет. – Кряжин уже понял, что за персонаж перед ним, и решил идти ва-банк. – Ибо человек, заложивший в собственную машину взрывное устройство, а после разрешивший на ней покататься двум инспекторам налоговой инспекции, мозгов иметь не может. Перед смертью, задыхаясь от дыма на вещевом рынке в Химках, один из инспекторов сказал: «Задержите Галабердина, это он». В его кармане мы обнаружили расписку, в которой значилось, что Галабердин Б.П. получил от одного из инспекторов пять тысяч долларов США в качестве задатка за продаваемую им квартиру семнадцать дома два по улице Серебренниковской. Я вас понимаю, Борис Петрович. Получить пять штук баксов в надежде на то, что огонь уничтожит все следы, – решение разумное. И машину на новую поменять, и квартиру не продавать. Поэтому я и спрашиваю: случались ли в вашей жизни неприятности, запоминающиеся на всю жизнь? Если нет, то я готов вас обрадовать. Это произошло.

По лицу задержанного уже давно струился пот. После упоминания о взрывном устройстве он выступил, при озвучивании последних слов налогового инспектора пот стал превращаться в тонкие ручейки, а после понимания факта того, что его кто-то собирался кинуть на квартиру, хлынул водопадом.

– Инспектора? – неожиданно тонко для своего солидного, девяностокilограммового веса пискнул он. – Какие инспектора? Они сказали: «Вот тебе пять тысяч, и забудь о машине, что под твоими окнами. Ровно в четырнадцать часов заявишь угон. Тебе предлагал кто-нибудь за эту машину пять тонн баксов?» Товарищ следователь, мне предлагали за нее восемь. Но не долларов, а рублей. Разве я мог отказаться?

– А ты говоришь, Борис Петрович, что у тебя мозги есть, – с желтой искоркой в глазу возразил Кряжин. – Теперь у тебя ни машины, ни пяти тысяч долларов, зато в наличии статья за заведомо ложный донос и еще одна за соучастие в особо опасном преступлении. Я тебя

поздравляю. Вряд ли найдется еще кто-то, кому улыбнется удача повернуть такую удачную сделку.

– Я их не убивал...

– Знаю, – согласился Кряжин. – Я так и напишу в обвинительном заключении: «Уголовное преследование в отношении гражданина Галабердина за убийства в Москве и Московской области налоговых инспекторов прекратить в связи с отсутствием событий преступления». А вот за заведомо ложный донос вам, товарищ, до «двушки». Плюс до «пятнашки» за участие в похищении человека. Суд у нас беспристрастный. Председатель Конституционного суда недавно так и доложил Президенту: «Судебная реформа закончена. За беспристрастность можно не волноваться».

Увлечшись цифрами, Кряжин продолжил арифметические вычисления. Выходило, что пятнадцать плюс два – семнадцать, минус два за прежнюю несудимость, еще минус три за положительные характеристики от соседей. Плюс год за ненависть потерпевших, еще плюс четыре за то, что подельники обязательно укажут на Галабердина как на организатора, минус полтора за его язву. Итого пятнадцать лет и шесть месяцев с отбыванием наказания в колонии строгого режима где-нибудь под Красноярском. И советник предложил задержанному поспорить на его квартиру, что ошибся он всего на один-два месяца.

Совершенно не подготовленный к подобным разговорам, ранее несудимый Галабердин вошел в состояние полного ступора. Не верить человеку, восседающему в кресле дома с начищенной бронзовой табличкой, он не мог. Как и насколько здесь сажают, был наслышан. В Красноярске один раз был. Страшное место: садишься пить чай, подлетают комары и чуть не вырывают из пальцев рафинад. И опять же – квартира. В столице кидают разными способами, и не исключено, что трюк с машиной – часть плана этого «кидняка». И еще – налоговые инспектора. Это все очень плохо. Жена одна с дачей не справится.

– Попробуем провести судебный процесс по-другому, – сказал между тем страшный следователь. – Оставим в покое похищение людей. Как организатору в этом деле вам грош цена. Простой пример: вы умеете выстраивать логические ряды?

– Ряды? – Галабердин окончательно пал духом и с безнадеей в глазах вытер широким рукавом майки пот, льющийся со лба, как Ниагарский водопад.

– Вот я и говорю, – удовлетворился ответом следователь. – Поэтому оставим кражи людей. Обратимся к вранью. Наглому, беспардонному, бесхитроственному. Продать машину знакомым за пять тысяч долларов, а после идти в милицию и, не пряча глаз, уверять ее сотрудников в том, что транспорт угнан. Здесь возможны варианты. Не буду раскрывать перед вами наши черные хитрости, скажу лишь, что я тот, который умеет два года реального срока превращать в год условного. Я волшебник, Борис Петрович.

– У меня как раз есть приправа для волшебного зелья... – и глаз Галабердина моргнул в сторону веера купюр.

– Вы были правы, – раздался из угла кабинета голос Саланцева. – У него действительно нет мозгов.

– Они у него есть, – мягко, почти ласково возразил следователь. Портить общую картину появившегося взаимопонимания такой мелочью, как ошибка собеседника в выборе аргумента, ему не хотелось. – Просто у него их мало. И Борис Петрович считает, что ему проще дать взятку в размере пяти изъятых у него при понятых тысяч долларов, вместо того чтобы рассказать о тех двоих хитрецах, что взяли у него машину.

– Я расскажу, конечно, – наконец-то стал понимать предъявляемые к нему требования Галабердин, – что знаю. Но я знаю мало.

– В последнем я уже убедился. А потому, тая в душе желание совершить должностной подлог и вместо законных пятнадцати с половиной выдать вам один условно, я спрашиваю: кто те люди, что обратились к вам с просьбой?

– Инспектора налоговые.

Кряжин вздохнул, подошел к кондиционеру и включил его на максимум.

– Галабердин... Это я вам сказал. А вы их с какой стороны знаете? Мы уже слишком долго ведем этот разговор, и я начинаю сердиться. К одному году уже начинают проситься в плюс еще два за недоверие.

– Один из них Филька. Но я не знал, что это налоговый инспектор. Сроду бы не подумал, что он налоговый инспектор. К деньгам его – да, тянуло. Всегда тянуло. Но чтобы до такой степени...

– Кто этот Филька?

Саланцев за два часа разговора с Галабердиным, уверенно косящим под полного дурака, устал, как за трое суток засады. Он беспрестанно пил из кряжинского чайника чай, сначала спрашивая разрешения, потом уже без спросу, курил, разминал ноги. И сейчас старший опер походил на куст вчера отцветшей сирени – готовый жить дальше, приносить пользу, но уже не так ярко. В МУРе несколько иные методы получения достоверной информации, но Андрей Андреевич, храня уважение к следователю, вынужден был признать, что при работе с такой категорией лиц нужен именно тот, что избрал следователь. Человека можно обмануть, его можно уговорить, купить, но человека никогда нельзя унижать. Даже такого негодяя, как Галабердин. Впрочем, почему – «даже»? Именно таких и нельзя загонять под плинтус и брать на арапа. К ним нужен подход тонкий, расчетливый, дающий возможность фигуранту слить информацию по искусственно выдуманной для себя причине. Безысходности, например.

– Филька? Филька... – бизнесмен-неудачник заметно оживился и даже разошелся. – Филька – это, я вам скажу, тот еще тип.

Саланцев скрестил на груди руки, дивясь невозмутимости «важняка». Об этой невозмутимости среди узкого круга специалистов разных мастей, занимающихся в столице вопросами права, ходили если не легенды, то уважительные разговоры. Кряжин был одним из тех немногих, от показаний которому в суде под предлогом физического и психологического давления со стороны следователя не отказался еще ни один из подсудимых. Он умел строить разговор так, чтобы потом у лица напротив не появлялось ни малейшего желания его оболгать. Не помогали даже увещевания адвокатов.

Сам же Саланцев у себя в триста пятнадцатом кабинете уже давно бы держал в руке шею Галабердина, не ломая ее только потому, что ее хозяин писал явку с повинной.

Филька, говорил Галабердин, жил в соседнем дворе со своими родителями. Борис Петрович с его папиком, Никитой, во втором таксопарке баранку вертели, а когда парк реорганизовали пять лет назад, остались без работы. Никита на горькую присел, причем присел очень хорошо и за три года угорел. А Феликс, сын Никиты от первого брака, срулил из дома еще в девяностом, когда ему пришла пора идти в армию. После этого Галабердин его всего два раза и видел. Вчера и год назад, на Черкизовском рынке. Заехал купить осенние ботинки, а он там в джинсовом ряду с продавщицами на «рэ» разговаривал. Мол, платить нужно вовремя, мол, Центробанк поднял ставки... этого... рефи... рефанс...

– Рефинансирования, – подсказал Кряжин.

– Да, его. Вот и все.

Следователь всепрощающе посмотрел на Саланцева и улыбнулся Галабердину.

– Можешь ведь, когда хочешь, – прикурил, откинулся в кресле и включил кондиционер. – В джинсовом ряду, говоришь?

Галабердина принял тот самый райотдел, куда им было сделано заявление об угоне автомобиля. Так быстро в Москве без операции «Перехват» машины возвращаются владельцам крайне редко. Девять миллионов жителей, двести тысяч домов, две тысячи тридцать шесть улиц, переулков, бульваров и мостовых...

Глава четвертая

Сыщики МУРа принесли следователю то, чего он от них добивался. Сообщили ему свое мнение о преступлениях, связанных с похищениями и захватом заложников по примерам, предложенным Кряжиным. Каждый из них, как и требовалось, высказывал свое мнение, независимое от остальных, и советник, сверив информацию, остался удовлетворен.

– Что мы имеем в итоге? – сказал он, небрежно сминая письменные доводы сыщиков и, к их величайшему изумлению, бросив бумажный комок в урну. – Мы имеем характерное среднестатистическое мнение по факту отношения к тяжкому преступлению.

Кряжин вынул из шкафа в углу связку ватманских листов, покрытых пылью и свернувшихся на углах от проникающих сквозь старые дверцы солнечных лучей, отделил один, сдул с него пыль и выскреб из канцелярского набора несколько кнопок. Лучшего места, чем под портретом Чезаре Ломброзо, советник не нашел (не под портретом же Президента на противоположной стене вешать), и пришил лист на германские обои «Rasch», любезно предоставленные для ремонта в Генеральной прокуратуре строительной компанией «Баухаус».

«Похищения, сопряженные с захватом заложника» – написал Кряжин сверху своим малопонятным почерком и обвел фразу резким взмахом маркера.

– Теоретически, – сказал советник, – подобные преступления подразделяются на три категории. Деление это условно. Оно связано с характером предъявляемых требований, как условий освобождения захваченного лица.

Он резко набросал: «Политические» – и тут же развел понятие стрелами для более точного уяснения материала.

– Мюнхен, семьдесят второй год, Олимпиада. Террористическая группировка «Черный сентябрь» захватывает двенадцать израильских спортсменов, предъявляя требование освободить из тюрем несколько сотен своих сообщников. Требования не выполняются, спортсмены погибают, последний из группировки, осуществивший захват, убит израильской спецслужбой «МОССАД» в 2002 году. Охота за террористами длилась двадцать лет и закончилась лишь после того, как был уничтожен последний участник тех событий. Ирак, наши дни. Иракские реакционные исламские группировки захватили в плен американского солдата с последующим требованием вывести войска. Срок истек, и солдат был обезглавлен. То же произошло и с корейским рабочим. То же с рабочим английским. Не изменились лишь требования.

«Социальные» – чирнул маркером Кряжин и тут же подписал: «Принуждение правительства или руководства субъекта Федерации выполнить или отказаться от выполнения каких-либо действий».

– Я бы разделил их фрагментарно на похищения в условиях невозможности использования других методов и на те, что осуществляются демонстративно, в целях информирования мирового сообщества. И, наконец, откровенно «Уголовные».

Маркер Кряжина пробежался по последней трети ватманского листа. Стало ясно, что это последняя группа, о которой намерен рассказать следователь.

– Это выкуп. Просто выкуп. Требования могут излагаться в любой форме, действия похитителей возможны в любых вариациях, однако их цель одна: добиться получения денег или права на владение и распоряжение имуществом. Чем выше статус заложника, тем серьезнее требования и крупнее ущерб.

Например, в Чечне, когда захватывали родственников государственных деятелей и влиятельных людей страны... А теперь скажите мне, господа, к какой группе вы отнесете захват заложников из числа работников администрации тюрьмы с последующим предъявлением администрации требования прекратить беспредел со стороны этой же администрации или улучшения условий жизни?

Кряжин бросил маркер на свой стол, отошел к окну и рассмеялся.

«Наверное, к политической», – подумал, но не сказал Саланцев. Это давление на представителей власти на уровне субъекта Федерации. Более того, сюда входят все признаки, указанные Кряжиным: налицо и невозможность использования других методов, и демонстрация.

Сидельников тоже промолчал, хотя и смотрел на то место ватманского листа, где было начертано: «Политические».

Так и не добившись нужного ему ответа, Кряжин вернулся к столу, обвел все написанное на стене жирным овалом и установил маркер в набор.

– Я прошу вас рассматривать любое похищение человека, сопряженное с захватом заложника, лишь с одной точки зрения. С позиций статьи двести шестой Уголовного кодекса России. Захват заложника – это просто противоправное завладение человеком, сопровождающееся лишением его свободы. Условия освобождения заложника являются требованиями преступника. Обращены они могут быть к кому угодно: к государству, организации или гражданину. Они принуждают перечисленные инстанции совершить какие-либо действия или воздержаться от совершения таковых. Мы имеем дело с организованной группой, действующей по предварительному сговору в отношении несовершеннолетнего, и я уверен, что из корыстных побуждений... В общем, для того, чтобы запудрить вам мозги с помощью моего авторитета следователя Генеральной прокуратуры, маркера и листа бумаги, мне потребовалось пять минут. У похитителей, я полагаю, времени для подготовки было больше.

Кряжин подошел к окну, вытянул на себя створку, и в кабинет тотчас влетел прохладный воздух, чуть пахнувший асфальтом и автомобилями.

– Я прошу вас уяснить одно. Мы имеем дело с дерзкой, слаженной, резко уголовно настроенной группой преступников, наказание за действия которых предусмотрены законом по максимуму – двадцать лет лишения свободы. За исключение возможности оказаться на такой срок изолированным от нормальной жизни каждый из группы не остановится ни перед чем. Я прошу вас учесть это. Захват в заложники ребенка никогда не обусловлен благородными побуждениями. Это всегда особо опасное преступление.

На выходе, пропустив Смагина из кабинета, Кряжин остановился и встретил удивленный взгляд сыщиков:

– Чуть не забыл. Хорек – не хорек, если его взяли без курицы.

Похищений в практике Кряжина было много. В феврале 2000 года схватили дочь заместителя руководителя фракции «Русская линия» в Государственной Думе. Похитители просили миллион долларов. И все потому, что папа маленькой Лиды, отстаивающий права бедных и автолюбителей, беззаветно воюющий с коррупцией, имел в Подмосковье сеть автозаправок и не хотел отдавать деньги, одолженные у тех, кто иногда эти заправки, отчаявшись, поджигает. Дело по причине особой важности принял Кряжин, но потом, когда выяснилась вся подноготная, его передали Любомирову. Дело тот довел до конца, девочка вернулась домой, но возвращать ее пришлось СОБРу уже после того, как преступникам уплатили меченые купюры из кассы фракции «Русская линия». Похитителей не нашли, как, впрочем, и денег. Фракция едва не выдвинула иск к прокуратуре за нецелевое использование ее партийных средств. Зампредседателя вышибли из фракции, тот стал заниматься бизнесом активнее, чем во время работы в Думе, и уже в декабре 2003 года, компенсировав однопартийцам ущерб, вернулся к политической борьбе.

Похищали сына посла Эфиопии в России. Бандиты запросили четыреста тысяч долларов. Похищали внука главы таджикской диаспоры в Москве члены этой же диаспоры и требовали у своего главы три миллиона долларов. Дочь руководителя нефтяной компании, зазевавшись на улице, попала в руки недоброжелателей, и те оценили ее свободу (и честь) в один миллион все тех же американских долларов. Жена советника Президента по вопросам национальностей сглупила, выйдя на улицу без охраны. В отделе легкого платья ей дали подышать эфиром с

носового платка и вынесли из зала, как манекен. Потом просили пятьсот тысяч, но остались и без товара, и без денег.

Все преступления разнились лишь по тактике исполнения первоначальной стадии операции. Кого-то забирали, когда тот выходил из машины, кто-то оказывался в чужих руках, когда выгуливал таксу, кто-то просто не думал, что его могут похитить, и вел себя легкомысленно. В дальнейшем процесс торгов всегда сводился к одному и тому же мотиву, что значительно облегчало работу «важняка».

Но сейчас был первый в его практике случай, когда у главы крупной корпорации похищали сына для того, чтобы тот заключил сделку, выгодную государственным структурам. Было дело как-то раз – сына руководителя газовой отрасли просили перевести на чужое имя две виллы в Шотландии. Но чтобы вот так, дерзко, да еще в интересах России...

Не секрет, что некоторые чиновники в России берут мзду. Не тайна и то, что им дают. И уж совсем не откровение, что сразу после этого они издают самые настоящие государственные приказы, распоряжения и раздают квоты, которые в обычных условиях, без мзды, появиться на свет просто не могли бы по резонным основаниям.

Не секрет, что эти чиновники, представляющие собой огромный сросшийся монолит из представителей законодательной, исполнительной, правоохранительной и неофициально бандитствующей власти, живут неплохо. С ними борются представители различных организаций – УБОП, уголовный розыск, Управление собственной безопасности МВД, недавно созданный Антикоррупционный комитет. Причем часто оказывается так, что руководящие посты в этих противоборствующих системах занимают одни и те же люди...

Но чтобы вот так!.. Мол, мы сына прирежем, если ты стране не поможешь, то есть – нам...

Это дерзко. Настолько, что Кряжин, идя по коридору на совещание, организованное Генеральным, почти отказывался в это верить.

Зачем красть у Кайнакова сына и вводить его в состояние ступора, заставляющее бежать в прокуратуру, если можно просто прикрыть все его лицензии, найти в финансовых документах ошибку на пару сотен тысяч рублей и возбудить уголовное дело по статье, санкции которой обещают президенту корпорации «Транс-Уголь» пятнадцать лет строгого режима? Он что, первый такой, неугомонный, что ли? Не таким удила в пасть вталкивали.

Зачем сына-то воровать? Через две недели в Бутырке он напишет покаяние, признает свой долг перед страной, окажется под подпиской о невыезде, после же отправит весь имеющийся у него уголь даже в Гренландию, если его попросят. И даже не спросит при этом, на хрена там нужен уголь.

Усаживаясь в кресло в середине зала – диспозиция, отмеченная психологами, как самая невидимая для лектора, – старший следователь по особо важным делам Кряжин мог теперь спокойно подумать о том, зачем Кайнаков солгал. Почему ему было необходимо обращаться в Генпрокуратуру за помощью, а потом ее же водить за нос.

Телефон в кармане Кряжина заверещал в самый неподходящий момент.

На трибуне зала для совещаний уже полтора часа стоял Генеральный и докладывал подчиненному ему штату обстановку, сложившуюся по расследованию дел, где фигурантами выступали высшие должностные лица регионов. Заодно прокурор не удержался и оценил качество работы в этом направлении. Затронул и важную тему обеспечения законности граждан при расследовании так называемых «резонансных уголовных дел». Это когда дело возбуждается, но в ходе его расследования необходимость в дальнейшем уголовном преследовании отпадает. Часто в данном случае страдают родственники подследственных, чудом избежавших наказания. Слабые сердца и высокое артериальное давление иногда становятся главным критерием ухода из жизни не фигурантов, а их близких.

А потому Генеральный попросил подходить к работе с умом, дабы потом не мучиться угрызениями совести.

И в этот момент в кармане Кряжина зазвонил телефон.

Зайти в актовЫй зал, где собирается выступать Сам, с включенной сотовой трубкой считается если не моветоном, то банальным неуважением, однако сегодня следователь поступил так совершенно сознательно. В любой момент ему мог позвонить Кайнаков с вестью о том, что похитители маленького Коли вышли с ним на связь.

– Я вам не мешаю, Иван Дмитриевич? – спросил Генеральный, чей острый слух уловил дребезжание мобильного через двенадцать рядов. В голосе его чувствовалась официальная ирония. – Я могу в принципе подождать, пока вы переговорите.

Но к Генеральному подошел Смагин и что-то шепнул. Потом еще раз шепнул и, понимая, что высказался недостаточно ясно, шепнул в третий раз.

– Идите, Иван Дмитриевич, – разрешил Генеральный. – Могли бы предупредить до совещания и на него не являться.

До совещания Кряжин ходил с этим вопросом к Смагину, Смагин к Генеральному, а Генеральный сказал, что быть того не может, чтобы у Кряжина важнейшие вопросы в расследовании час в час постоянно совпадали с квартальными совещаниями.

– Кайнаков, – шепнул следователь Смагину, минуя его по дороге к выходу из зала.

Да, это был Альберт Артурович. «Волга» с Дмитричем – прокурорским водителем – стояла уже у крыльца, вымытая и сияющая траурным оттенком. Маячок на крышу (сирену следователь всегда просил не включать) – и двигатель в два с половиной литра понес Кряжина по Москве.

Почему люди не летают, как птицы? Случись так, быть может, и ему светила однокомнатная в «Алых парусах». Но все Кряжины, о которых известно в столичном архиве и которых знал Иван Дмитриевич, проживали на Большом Факельном. Смог ли бы выехать из однокомнатной на Большом Факельном следователь, зная, что именно в этом коридоре перед дверью надевал бляху, выходя на службу, его прадед, околоточный надзиратель Евграф Кряжин?

– И к какой из этих пирамид причаливать, Дмитрич? – спросил Дмитрич-пожилой Дмитрича-молодого.

– К той, что перед тобой, – молвил Кряжин, усаживаясь в кресле поудобнее, чтобы выйти сразу, без раскачки.

– Вы к кому? – спросил на входе охранник.

– Не узнаешь меня без грима? – любимая и безотказная грубость старшего следователя при обстоятельствах, когда узнать его было невозможно по причине первого знакомства.

– Вы к Кайнакову? – более расслабленно поинтересовался охранник.

– Если угадаешь и мою фамилию, я буду в шоке, – Иван Дмитриевич нажал на кнопку и вслушался в гул натянувшихся лифтовых тросов.

– Вы... Кряжин, – пробормотал привратник, поправляя на поясе ремень со связкой совершенно бесполезных при ближнем бое приладов: наручники, баллон с газом, палка, какая-то плевалка... Еще был настоящий «макаров», но он висел под рукой. И это был верный ход, потому что в противном случае брюки охранника с тяжелым стуком упали бы на гранитный пол фойе.

Приблизительно так же развивались события на двадцать четвертом этаже, куда Кряжина стремительно вознес лифт.

У дверей Кайнаковых стоял невероятных размеров детина зачем-то в черных очках, в похоронном костюме, руки он держал в районе ширинки, но по причине перекаченного торса они торчали вперед, словно он опирался на эфес невидимой шпаги. Или на рукоять вонзенного в пол топора.

При виде следователя жуткое создание качнулось в сторону немаленького Кряжина и лишь память... О, это была память – она была! Охранник узнал следователя, побывавшего

в этом доме сегодня утром. Вспомнил, сам нажал звонок и пропустил Кряжина внутрь. На пороге стоял еще один, и это для следователя было уже чересчур.

– Господин Кайнаков, – крикнул он еще с порога, – вам пора выдавать мне какой-нибудь мандат!

Из гостиной послышался какой-то хрип. Именно по этому звуку советник догадался, что угольный магнат взялся за ум. Хрип – не что иное, как постпохмельный синдром. В доме озеро спиртного, – следователь был уверен в этом, – но, кажется, президент за время отсутствия следователя к этому водопою не подходил.

Вид олигарха был страшен. Еще недавно набриолиненные волосы были всклокочены, взгляд – безумен, но не агрессивен, белая рубашка потеряла лоск и смялась.

– У меня две новости, – почувствовав в своем голосе «петушка», Кайнаков подошел к сифону и наполнил его пенистым напитком. – О том, какая плохая, а какая хорошая, рассуждать, конечно, вам.

– Конечно, – согласился следователь, – мне. Начнем в хронологическом порядке.

– У меня пропал телохранитель.

Кряжин с сомнением покосился на входную дверь, и это не ускользнуло от внимания Альберта Артуровича.

– В смысле, не мой, – поправился он. – Колин. Дима утром поехал за сыном в школу и до сих пор не вернулся. Ранее за ним такого не наблюдалось.

Следователь посмотрел на часы: президент забил в колокол спустя восемь часов после того, как охранник убыл на улицу Печатников.

– Почему я узнаю об этом сейчас?

– Я не придал этому значения.

– Не придали значения тому, что телохранитель поехал за сыном в школу, не вернулся, и в это же время из школы исчез Коля? – не веря своим ушам, уточнил следователь.

Кайнаков поморщился, направился к бару, но на полпути сменил направление и вновь оказался у сифона. Стакан пузырящейся жидкости вошел в него, как в сухую землю.

– Понимаете, в чем дело... Дима – личный охранник Николая. Я подумал, что он мог быть свидетелем похищения, последовать за негодеями и Колей и сейчас владеть ситуацией... Мог позвонить, сказать, что знает место, где прячут сына... Словом, я надеялся на него, а не забыл о нем.

Кряжин в досаде пожевал губами и бросил папку на стеклянный столик (Кайнаков скосил на него виноватый взгляд – так смотрит ребенок, наблюдающий за тем, как папа изучает в его дневнике оценки за среду и еще не дошел до проклятой субботы). Посмотрел в окно, стер пальцем с подоконника не существующую пыль и развернулся лицом к центру гостиной.

– Кайнаков, когда я несколько часов назад, на этом же самом месте, распинался о...

– Оставьте, Иван Дмитриевич... – огрызнулся президент.

– Нет, это вы оставьте! – перебил следователь. – С момента похищения вашего сына прошло восемь часов. Что можно сделать за это время, как вы думаете? Просидеть в подвале соседней высотки? Возможно! А еще за эти часы можно успеть долететь до мыса Рока – это самая западная точка Евразии! Пока я начну делать какие-либо распоряжения, и они дойдут до португальских властей, ваш сын может оказаться в Вашингтоне. Или на берегу Лимпопо.

Кайнаков сидел белый, как мел, и пытался что-то пить из пустого стакана.

– У вас крадут сына, вместе с сыном исчезает его охранник, и кто меня сейчас уверит в том, что это не упомянутый Дима организовал похищение? Вы помните мой вопрос в первый момент нашего знакомства? Что я спросил, господин президент? – Кряжин уже давно вышел из себя, и лишь профессиональный такт и понимание невозможности показать этот выход окружающим удерживал его от вспышки. – Так о чем я спросил тогда?

– Вы спросили, кто забирает сына из школы, – просипел президент.

– А что вы ответили?

– Что телохранитель уехал в школу за Колей, но Коли там уже не оказалось.

– Нет, вы не так ответили, – следователь вынул из кармана тонкий блокнот. – Цитирую, Кайнаков. Ответы на подобные вопросы я всегда записываю. Вы мне сказали, что... – найдя нужный лист, следователь свободной рукой пошарил по карманам, тряхнул рукой, расправляя дужки очков, и приложил тонкие и узкие, почти невидимые линзы к глазам: – Что «мальчика через час должен был забрать телохранитель, но в связи с событиями это оказалось ненужным».

– А какая разница? – мертвым голосом спросил Кайнаков.

Кряжин подошел к его креслу, наклонился и остановил свои губы в сантиметре от уха президента.

– А разница в том, господин угольный магнат, что из вашего первого ответа я заключил, что охранник в школе не был. Раз так, то нет и смысла с ним разговаривать относительно событий. – Выпрямившись, следователь уложил блокнот в карман. – А сейчас я обязан сделать вывод о том, что ваш телохранитель по имени Дима был в школе в тот момент, когда учительница французского звонила в милицию. Это заключение неумолимо наталкивает меня на мысль о том, что о похищении сына вы узнали гораздо раньше, чем вам сообщили власти! Что связывает две эти простые выкладки? Еще более простая выкладка. Ваш телохранитель Дима сообщил вам о происшествии из школы либо уже из машины, когда вышел из школы. И теперь я уже восемь часов кряду не ищу телохранителя, вместо того, чтобы прилагать к этому все усилия.

– И правильно делаете, что не ищите, – вдруг буркнул Кайнаков. – Дима любил Колю как сына. Просто с телохранителем что-то случилось.

Кряжин глубоко вздохнул и посмотрел на президента взглядом, полным сожаления. Ему очень хотелось привести несколько примеров из числа тех, когда именно любящие люди совершали в отношении предмета своего обожания чудовищные преступления, но смолчал. Достаточно реакции на это жены президента. Альберт Артурович – не Ангелина Викторовна, конечно, на пол не рухнет, но то, что лишило чувств мать, может запросто спровоцировать неадекватное поведение отца. А Кайнаков был нужен сейчас Кряжину мыслящим и спокойным.

– Сколько времени он охраняет вашего сына?

Кайнаков поиграл бровями. «Считает месяцы», – подумал Кряжин, и ошибся. Тот считал годы.

– Сначала он охранял меня, – президент загнул палец. – Еще в начале моей карьеры, когда я был просто перспективным коммерсантом. Потом жену, – загнул второй и сразу третий. – И четыре последних года – Колю. Он служит мне десять лет.

– Вторая новость? – Он подошел к сифону и наполнил второй чистый стакан.

– Мне похитители звонили.

Страдающему от жажды Кряжину мгновенно расхотелось пить. Он подержал стакан в руке, поставил его рядом с сифоном и прошел к «своему» креслу.

– Что говорят? – спросил он, вынимая из кармана сигареты.

– Они обещают убить Колю, если я...

– Если вы что? – грубо перебил Кряжин. – Только не говорите мне о каких-то сотнях тысяч тонн угля, которые вы должны отправить в Германию.

– ...Если я не позвоню в Страсбург.

– Зачем, Кайнаков?!

Кайнаков вырвался из кресла, стал говорить банальные вещи. Закричал о том, что никакими деньгами нельзя оценить жизнь его единственного сына, его Коли. Добавлял, что у него нет желания попадать в историю, в которую попал посол Чехии в России. Что он богаче посла

Чехии в России. И он готов даже взорвать все шахты и затопить водой шурфы, если того потребуют похитители.

Но подставлять родственника?! Человека, который помог ему немало и все бескорыстно?!

Кряжин в этом не сомневался. Более того, он был даже уверен в том, что Кайнаков взорвет шахты вместе с находящимися в них шахтерами.

Что стоила для следователя жизнь маленького Коли? Чем было для него выполнение поставленной на службе задачи? Всем. И стоила многого. Именно по этой причине следователь не мог сейчас просто взять со стола папку и выйти вон. Очень хотелось спросить, зачем Кайнаков просил возбудить уголовное дело и привлечь виновных к уголовной ответственности. Но задать такой вопрос – это унижить себя и организацию, которую представляешь. «Зачем заявление тогда писал, олигарх? Разбирался бы сам, коль скоро настолько крут». И тут же получишь в ответ зуботычину: «Я так и знал, что ваша контора служит лишь для охлаждения пыла неугодных власти губернаторов и законно богатеющих граждан».

Кряжин не спросил бы в любом случае. Существуют ситуации, в которых приходится ломать гордыню и пытаться подстроиться под звон струны такого вот Кайнакова.

Именно – пытаться подстроиться. Потому как умный следователь только делает вид. На самом деле он будет делать свою работу.

Но среди истерического бреда Кайнакова следователь выделил нечто, что не увязывалось с основным контекстом. Или это просто скачок с одной мысли на другую?

– Прекратите безумствовать, Альберт Артурович. О каком родственнике вы ведете речь?

– Я солгал вам.

– Я знаю, – Кряжин сунул в рот пластик жвачки и стал старательно его разжевывать. – Я знаю, что вы соврали. И я потерял несколько часов. Так что у нас за несчастный случай произошел в Страсбурге?

– В марте прошлого года вашим ведомством был задержан, а впоследствии водворен под стражу некто Устимцев. Вы слышали это имя?

– Все слышали, – сказал Кряжин. – У кого есть телевизор.

Именно в марте 2003 года делом одного из самых состоятельных людей России, владельца нефтяных промыслов на Ямале и Кавказе, занялась Генеральная прокуратура в лице старшего следователя по особо важным делам Любомирова. Понятно, что не сам Любомиров оказался инициатором этого сенсационного задержания. Его на путь истинный наставили. Как сегодня утром – Кряжина.

Устимцев, кроме всего прочего, является губернатором Камчатки, население которой видела главу своей администрации лишь дважды – когда тот раздавал бесплатную водку перед выборами и когда на Камчатку по ошибке подали электричество и многие успели полчаса посмотреть телевизор, где Устимцев выступал с трибуны какого-то стадиона.

«Почему стадиона? – спрашивали потом те, кто не видел, тех, кто видел. – При чем здесь стадион, однако?». – «Потому что, однако, начальника наша футбол купила», – говорили те, кто пообразованнее тех, что передачу не смотрел. – «А зачем начальнику футбол?» – «Дурак ты, однако. Можно бесплатно играть».

И все бы ничего, переизбирали бы Устимцева потом, наверное, еще два раза, да грянул над Вениамином Геннадьевичем гром. «Регион дотационный? – вдруг спросили из Центра. – Люди пишут, что зарплату продуктами получают, Вениамин Геннадьевич. Олени от голодухи пухнут, а люди от оленей, которых вынуждены съедать, вместо того, чтобы увеличивать их поголовье. И как вы смотрите на это оленеводческое бедствие?».

Ответ Центру Устимцев дал в ноябре 2003 года.

Примеры нерационального использования нажитого капитала в современной России имелись. Нефть, газ, уголь, алмазы, превращаясь в деньги, оседали на прочных счетах вкладчиков зарубежных банков. Но когда деньги у отдельных представителей страны, стоящей на сорок девятом месте в мировой таблице о рангах, появляются в таком количестве и в такие сжатые сроки, ее руководство не может смотреть на это спокойно. Тем более что приблизительно девяносто процентов этих сумм должно было осесть в бюджете.

Деньги нужно отмывать. Это знают даже владельцы казино в Томской области. А что такое «стирка денег» по своей сути? Это поиск резонных объяснений властям о том, что появились они законным путем. Если с властями делиться, то отмывать будет ничего не нужно, ибо в этом случае начинает работать старая поговорка: «Деньги не пахнут». Если делиться, скупясь, есть опасность оказаться в соответствующих органах, где придется ответить на несколько неприятных вопросов. И в дальнейшем больше не жадничать. Однако если суммы, простите, прятать, маскировать, камуфлировать под сбережения, власти начинают сердиться.

До Устимцева Вениамина Геннадьевича эта истина дошла быстрее всех. Именно по этой причине он долго находился на свободе. До тех пор, пока не грянул означенный гром. А гром грянул, собственно говоря, по глупости самого Вениамина Геннадьевича. Вместо того чтобы делиться, он принял решение покупать права на то, что не может быть арестовано и априори обращено в пользу государства.

Первый удар по зорко следящей за малейшим вольнодумием олигархов Счетной палате был нанесен Устимцевым в ноябре 2002 года. Покупка футбольного клуба «Йорк Юнайтед» английской премьер-лиги обошлась миллиардеру в триста миллионов долларов. Плюс еще сто для того, чтобы расторгнуть контракты с футболистами слабыми и прикупить с пяток лучших.

Счетная палата во главе со своим руководителем слегка растерялась. Четыреста миллионов долларов господин Устимцев пропустил мимо государственного бюджета, мимо пухнувших оленеводов.

«Вот так я и смотрю на ваше оленеводческое бедствие», – слышалось руководителю Счетной палаты в таких действиях миллиардера.

Счетной палате было над чем поломать голову. Одно дело приехать, посчитать, недосчитаться, отрапортовать и подготовить все условия Генеральной прокуратуре для законных следственных действий. Прокуратура придет, опишет, изымет и обратит.

Но как изъять из английской премьер-лиги клуб? И куда его потом, даже если изъять получится, обратить? Легко представить заголовки газет:

«Россия очумела от демократических преобразований. Лучший вратарь мира Паоло Витториано выставлен на аукцион для продажи с целью погашения финансовой задолженности президента АО «Руснефть» Устимцева перед Министерством по налогам и сборам Российской Федерации».

Следующим ударом под дых Счетной палате стала покупка Устимцевым авиалайнера. Обычный самолет: хвост, кабина, два крыла... Кабинет, сауна, библиотека, кинозал, спальная, столовая. Все за полмиллиарда долларов США. В Россию это судно не залетает, а потому попробуй изыми. Или хотя бы арестуй.

«Арестуй не арестуй, – слышал руководитель Счетной палаты голос Устимцева откуда-то издали, из-за облаков, – все равно получишь...»

А потом была швейцарская деревня. Она стояла в горах лет шестьсот и словно ждала того, чтобы Вениамин Геннадьевич Устимцев прилетел к ней в своем голубом самолете и купил за четыреста миллионов долларов. Как насчет арестовать швейцарскую деревню и поднять над ней российский триколор?

К февралю 2003 года Счетная палата начала обратный отсчет. Ранее она подсчитывала, на какую сумму Вениамин Геннадьевич Устимцев скупает, а теперь считала, сколько у него осталось, чтобы получить компенсацию если не материального ущерба государству, то хотя

бы морального. И 23 февраля 2003 года, как раз в день празднования Дня защитника Отечества, сотрудники Федеральной службы безопасности сняли с рейса 3232 господина Устимцева, направляющегося из Новосибирска в Нидерланды для приобретения швейной фабрики. День защитника Отечества превратился в День Победы. Когда счета Вениамина Геннадьевича в России были арестованы, – а раньше этого нельзя было сделать по той причине, что Устимцев не находился не только во вверенном регионе, но и в стране, а без допроса такие действия производить как бы незаконно, – на них оказалось ни много ни мало один миллион двести тысяч долларов США. А к моменту окончания работы Счетной палаты выяснилось, что задолженность Устимцева перед государством (читай – уголовная ответственность) выражается в трехстах миллионах долларов. Стало понятно, что погасить задолженность суммой вклада вряд ли удастся, а на предложение обрусить английский клуб Вениамин Геннадьевич ответил категорическим отказом. Его-де не поймут болельщики. Как и жители швейцарской деревни, на всякий случай.

Устимцеву обвинительным заключением Генеральной прокуратуры было вменено мошенничество в особо крупном размере, а также еще с десятков статей по мелочи, начиная с незаконного захвата земель и заканчивая подделкой документов.

Офис господина Устимцева уже давно представлял собой разоренное сорочье гнездо – следователи вынесли из него и десятка дочерних фирм по несколько тысяч килограммов документов и сотни компьютеров. Вскоре в «Лефортово» оказались три заместителя Устимцева, а семья самого президента АО переехала туда, где играл клуб главы семейства. Близился суд, и весь деловой мир России и дальнего зарубежья с напряжением наблюдал за тем, как дело идет к развязке.

Да, Кряжин очень хорошо знал это дело. Любомиров за полтора года около двух десятков раз приходил в его кабинет для консультаций при любых возникающих затруднениях.

– И что с того, Альберт Артурович? – Кряжин посмотрел на Кайнакова, уже начиная подозревать, что тот опять пытается увести его от главного.

– Устимцев находится в «Лефортово» и ждет суда, который состоится через семь дней. Месяц назад он подал жалобу в Европейский суд по правам человека на незаконные действия в отношении него как гражданина России.

Кайнаков посмотрел на Кряжина. Тот сидел, дожидаясь, пока информация приобретет заверченный характер.

– Когда неизвестные позвонили и попросили выйти всех, кто в квартире, они сказали мне, что жизнь моего мальчика зависит от того, какое решение примет Европейский суд. Коля вернется домой лишь после того, когда в отношении лиц, проводивших следствие по делу Устимцева, начнутся разбирательства. И будет признано, что те действовали не по закону. Похитители сказали, что все доказательства в суд предоставлены. Они являются очевидными и исчерпывающими.

– А при чем здесь вы, Кайнаков?.. – с изумлением спросил следователь. – Вы в состоянии повлиять на решение Европейского суда?

– Я нет. А представитель России в этом суде может.

– А... – Кряжин стал понимать, что происходит. А потому, указывая на фотографию, где счастливый Альберт Артурович обнимается с представителем России, снизошел до сарказма: – А Трошников Ян Михайлович – не ваш ли двоюродный брат?

– Нет, – ничуть не реагируя на реакцию следователя, сказал Кайнаков. – Он родной брат Ангелины Викторовны.

У следователя по спине прошла холодная волна. Он встал из кресла, наполнил из сифона стакан и медленно, в несколько приемов, выпил.

– Выходит, Коля – племянник Трошникова? – проговорил он больше для себя, чем уточняя очевидное. – А потому именно вы должны связаться с ним, представителем России в Евро-

пейском суде, и попросить Яна Михайловича убедить суд удовлетворить жалобы Устимцева.
А что пишет олигарх?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.